

INSPIRIA

СЪЮЗЕН ХИЛЛ

ЧИСТЫЕ СЕРДЦЕМ

Серия
бестселлеров
о старшем
инспекторе
Саймоне
Серрэйлере,
которая
насчитывает
более
МИЛЛИОНА
ПОКЛОННИКОВ.

INSPIRIA

Саймон Серрэйлер

Сьюзен Хилл

Чистые сердцем

«ЭКСМО»

2005

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Хилл С.

Чистые сердцем / С. Хилл — «Эксмо», 2005 — (Саймон Серрэйлер)

ISBN 978-5-04-121906-2

Старинный английский городок Лаффертон вновь переживает потрясение. Пропал маленький мальчик – его похитили прямо у дверей собственного дома. Жители города в замешательстве, родители с трудом справляются с ужасом и шоком. Дело передают Старшему инспектору Полиции Саймону Серрэйлеру. Но и у самого Саймона сердце в последнее время не на месте. Год назад он похоронил свою подчиненную, Фрею Грэффхам, к которой начал испытывать глубокие чувства. Его прежняя пассия преследует его, и он не знает, что делать. К тому же он беспокоится за судьбу своей сестры-инвалида Марты; как вскоре выясняется – не зря... Сьюзен Хилл, знакомая любителям мистических триллеров по бестселлеру «Женщина в черном», обратилась к детективному жанру. Серия детективов о Саймоне Серрэйлере погружает читателей в завораживающую атмосферу британского пригорода: затянутое серыми облаками небо и похищение ребенка, задевшее струны в сердцах всех жителей. «Чистые сердцем» — мастерское исследование человеческих характеров в стрессовой ситуации. "Безумно тревожно." - Daily Telegraph "В романе присутствуют все ингредиенты идеального английского детективного романа." - Daily Mail "Глубокое погружение в зловещую атмосферу маленького города." - The Spectator

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-121906-2

© Хилл С., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Благодарности	7
Один	8
Два	13
Три	15
Четыре	18
Пять	21
Шесть	23
Семь	25
Восемь	31
Девять	37
Десять	44
Одиннадцать	46
Дэвид	52
Двенадцать	53
Тринадцать	58
Четырнадцать	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

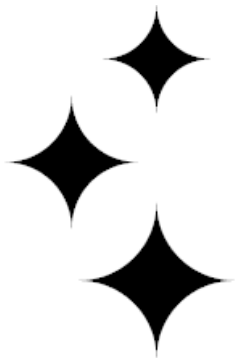
Сьюзен Хилл Чистые сердцем

*Блаженны чистые сердцем,
Ибо они Бога узрят.
Евангелие от Матфея*

*Для моих «кротов»
повсюду*

© Масленникова Т., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

INSPIRIA

Загляните в яркие миры Inspiria!

Мы выбираем для вас вдохновляющие истории и превращаем их в особенные книги.

«Инспирия» дарит эмоции и новый опыт чтения самым требовательным читателям. Каждая книга содержит дополнительные материалы, в полном объеме раскрывающие ее мир. А личные отзывы создателей помогут вам найти свою книгу среди лучших. Эти сюжеты хочется пересказывать, а книги не выпускать из рук.

Для этой книги доступны следующие дополнительные материалы:

– плейлист: <https://music.yandex.ru/users/eksmolive/playlists/1076>

Благодарности

Я хотела бы поблагодарить сотрудников полиции графства Уилтшир – старшего констебля в отставке, обладательницу Королевской полицейской медали, даму Элизабет Невилл; старшего суперинтенданта Пола Хаулетта, главу уголовного розыска; и старшего инспектора Пола Грэнджера – за огромное количество полезной информации, за помощь и советы и за то, что так щедро делились со мной своим временем и так приветливо принимали в центральном полицейском участке.

Также я должна поблагодарить анонимных участников сайта police999.com, которые очень быстро и любезно отвечали на мои многочисленные вопросы.

Касательно медицины я консультировалась с очень многими докторами, но мне хотелось бы особенно поблагодарить доктора Иэна Рики за галантность, с которой он на время пренебрег своими обязанностями по спасению жизни, чтобы дать мне несколько советов о том, как можно ее прервать.

Один

В первых лучах солнца над лагуной мягкой легкой дымкой лег туман, и было достаточно холодно, чтобы Саймон порадовался, что надел свою плотную рабочую куртку. Он стоял на пустой гранитной набережной канала, подняв воротник, и ждал, съжившись, в глухой тишине. Рассветные часы воскресенья в марте – не самый оживленный час в этой части Венеции, куда редко забредают туристы; рабочий люд еще отдыхал, и даже первые прихожане церкви еще не появились.

Он всегда здесь останавливался – в двух съемных комнатах над пустым складом, принадлежавшим его другу Эрнесто, который должен был появиться с минуты на минуту и перевезти его на другую сторону. Комнаты были удобными, просторными и наполненными удивительным светом, отражающимся от неба и воды. По ночам здесь было тихо, и Саймон мог сколько угодно ходить по набережной вдоль скрытых заводов и искать, что бы ему нарисовать. Он бывал здесь по меньшей мере раз, а обычно два раза в год в течение последних десяти лет. Это было его рабочее место, а также убежище, где он скрывался от своей жизни в качестве старшего инспектора. Такие же укрытия у него были во Флоренции и Риме. Но именно в Венеции он больше всего чувствовал себя как дома, и именно в Венецию он всегда возвращался.

Рычаг двигателя показался раньше, чем само судно, медленно возникнув из серебристого тумана совсем рядом с ним.

– Чао.

– Чао, Эрнесто.

Лодка была маленькая, неприглядная и практичная, безо всякого романтического флера и украшений традиционных венецианских судов. Саймон положил свою холщовую сумку под сиденье и встал рядом с лодочником, когда они развернулись и начали плыть в сторону большой воды. Туман оседал как паутина на их руках и лицах, а Эрнесто вел лодку все медленнее и медленнее, пока они внезапно не вырвались из белизны канала и не погрузились в желтоватый мутный свет, за которым Саймон увидел остров впереди них.

Он посещал Сан-Микеле несколько раз до этого, чтобы побродить, осмотреться, запечатлеть все внутренним взглядом – он никогда не пользовался камерой, – и знал, что в этот час, если ему повезет, на острове не будет даже старых вдов с артритом, которые приходят сюда в своих траурных нарядах, чтобы привести в порядок семейные могилы.

Эрнесто не болтал. Он был не из разговорчивых итальянцев. Он был пекарем и все еще работал на старой кухне со сводчатыми потолками, которой поколениями владела его семья, и все еще доставлял свежий горячий хлеб в дома у каналов. Но, как он говорил каждый раз, когда приезжал Саймон, он будет последним; его сыновей не интересовало семейное дело, они разъехались по университетам в Падуе и Генуе, а дочь вышла замуж за менеджера отеля рядом с Сан-Марко; когда он уйдет на покой, его печи остынут.

Венеция менялась, венецианские ремесла приходили в упадок, молодые не хотели здесь оставаться, их не интересовала тяжелая трудовая жизнь, когда каждый день приходится садиться в лодку. Венеция должна была погибнуть. Но Саймону казалось, что в это невозможно поверить, ему было сложно принимать всерьез знамения скорого конца, пока этот древний волшебный город все еще был здесь, пока он парил над лагуной после тысяч лет, вопреки всем пророчествам. Как-нибудь – как-нибудь – он выживет, и настоящая Венеция тоже, а не только перегруженная и дорогая туристическая ее часть. Люди, которые жили и работали в заводах Дзаттере и Фондамента и на каналах за железнодорожной станцией, будут делать это еще сто лет, будут поддерживать и сменять друг друга, обслуживая отели и туристические места.

Но: «Венеция умирает», – снова сказал Эрнесто, махнув рукой в сторону Сан-Микеле, острова мертвых; скоро все превратится в одно большое кладбище.

Они пристали к причалу, и Саймон вылез из лодки со своей сумкой.
– Обед, – сказал Эрнесто. – В полдень.

* * *

Саймон помахал ему рукой и пошел в сторону кладбища, к его аккуратным дорожкам и изящным мраморным памятникам.

Шум моторной лодки затих почти сразу, так что он слышал только свои собственные шаги, каких-то ранних певчих птиц и – помимо этого – невероятную тишину.

Он не прогадал. Здесь никого не было – ни сгорбленных старушек в черных платках, ни семей с маленькими мальчиками в длинных шортах с яркими цветами в руках, ни рабочих, пропалывающих сорняки вокруг гравия.

Было все еще прохладно, но туман уже рассеивался и поднималось солнце.

Впервые он набрел на этот памятник пару лет назад и дал себе обещание вернуться к нему, но в этом году все свое свободное время он проводил среди рыночных прилавков, рисуя горы фруктов, рыбы и овощей, а также толпы людей и лавочников, так что у него не оставалось ни времени, ни энергии, чтобы осмотреть кладбищенский остров подробнее.

Он подошел к нему и остановился. На каменном постаменте сидел ангел со сложенными крыльями, окруженный тремя херувимами со склоненными головами и выражением скорби на лицах, – все они обладали суровой, бесстрастной красотой. Хотя черты их лиц и были идеализированы, Саймон был уверен, что оригиналом для них послужили реальные люди. На памятнике был указан год создания – 1822-й – и лица у ангелов были характерно венецианские. Такие лица можно увидеть и сегодня у пожилых людей в вапоретто¹ или у молодых мужчин и женщин, прогуливающихся в своих дизайнерских нарядах свободными вечерами по Рива дельи Сκιαвони. Эти же лица можно увидеть и на великих полотнах в церквях, у херувимов и святых, дев и прелатов, и простых честных граждан, устремивших глаза к небу. Саймона они завораживали.

Он нашел себе место, чтобы присесть, на уступе одного из соседних памятников и достал свой блокнот для рисования и карандаши. Он также прихватил с собой термос с кофе и немного фруктов. Свет был все еще мутным, царила прохлада. Но в течение следующих трех часов или около того он будет полностью поглощен работой, отвлекаясь только на то, чтобы размять ноги и пару раз прогуляться вверх и вниз по тропинке. В двенадцать за ним вернется Эрнесто. Он отнесет свои вещи в квартиру, а потом пойдет выпить кампари и пообедать в trattoria, где он ел почти всегда, когда жил здесь. А потом он поспит, перед тем как отправиться в более оживленную часть города, может быть, прокатится на вапоретто по Гранд-каналу и обратно, чтобы насладиться прогулкой по воде среди древних, облупившихся зданий, раззолоченных солнцем, и понаблюдать, как меняется свет.

Его дни мало отличались один от другого. Он рисовал, гулял, пил, ел, спал, смотрел. Он не особо много думал о доме и своей другой, рабочей жизни.

Впрочем, в этот раз...

Он знал, почему его так тянуло на Сан-Микеле, к этим статуям безутешно скорбящих ангелов, и почему его так привлекали темные, пахнущие ладаном маленькие церкви в укромных уголках города, где он бродил и наблюдал за все теми же пожилыми вдовами в черном, молящимися на коленях со своими четками или зажигающими свечи в подсвечниках.

Смерть Фреи Грэффхам, которая прослужила в качестве сержанта под его началом в полиции Лаффертона столь короткое время, повлияла на него гораздо сильнее, чем он мог ожидать. Прошел уже год с ее убийства, но он до сих пор не мог оправиться от ужаса из-за

---

¹ Вапоретто – речной трамвай, маршрутный теплоход, вид общественного транспорта в Венеции. (Прим. пер.)

произошедшего и от того факта, что его чувства по отношению к ней были гораздо сильнее, чем он готов был признать, когда она еще была жива.

Его сестра, доктор Кэт Дирбон, говорила, что он позволяет себе испытывать более глубокие чувства к Фрее только потому, что она мертва и не может на них ответить, и, следовательно, не представляет угрозы.

Но чувствовал ли он угрозу? Он прекрасно понимал, что имеет в виду его сестра, но, может быть, с Фреей все было по-другому?

Он перенес вес своего тела на другую ногу и поправил блокнот на коленях. Он рисовал не всю статую целиком, а лицо каждого ангела по отдельности; он собирался вернуться снова, чтобы закончить весь памятник, а потом проработать каждый рисунок, пока не останется доволен. Его следующая выставка впервые будет проходить в Лондоне. Все должно быть сделано правильно.

Полчаса спустя он встал, чтобы размять ноги. На кладбище по-прежнему было пустынно, а солнце уже светило в полную силу, согревая его лицо, пока он прохаживался вверх и вниз среди белых, черных и серых надгробных камней. Несколько раз во время этого последнего посещения Саймон задумывался, сможет ли он когда-нибудь сюда переехать. Он всегда очень преданно относился к своей работе – выбрал путь, не совпадающий с тем, которому следовала вся его семья, врачи в трех поколениях. Но притягательность другой жизни, связанной с рисованием и, возможно, переездом за границу, начала становиться все ощутимее после смерти Фрей.

Ему было тридцать пять. Не сегодня – завтра он станет суперинтендантом. Он хотел этого.

Он не хотел этого.

Он развернулся к скорбящим ангелам. Но дорожка перед ним больше не была пустой. Навстречу ему шел Эрнесто и, когда он заметил Саймона, поднял руку.

– Чао. Что-то случилось?

– Я вернулся за вами. Был телефонный звонок.

– Работа?

– Нет, семья. Ваш отец. Он хочет, чтобы вы перезвонили ему как можно скорее.

Саймон положил блокнот и карандаши обратно в холщовую сумку и быстро пошел вслед за Эрнесто к причалу.

«Мама, – подумал он. – Что-то случилось с ней». У матери несколько месяцев назад случился приступ, вызванный повышенным давлением и сильным стрессом, но она быстро оправилась и никаких заметных последствий не было. Кэт сказала ему, что ему совершенно не обязательно отменять свою поездку. «С ней все хорошо, это был легкий приступ, Сай. Нет никаких признаков, что будет еще один. Как бы то ни было, если ей станет плохо, ты достаточно быстро сможешь вернуться». Что ему сейчас и придется сделать, думал он, стоя рядом с Эрнесто, пока они летели по сверкающей в свете яркого солнца воде.

Единственным сюрпризом было то, что звонила не Кэт, а его отец. Ричард Серрэйлер не одобрял карьерный выбор своего сына, его тягу к искусству, его холостое положение – вообще его в целом.

– Он казался обеспокоенным?

Эрнесто пожал плечами.

– Он упоминал мою мать?

– Нет. Просто чтобы вы позвонили.

Моторная лодка приблизилась к набережной, аккуратно развернулась и остановилась.

Саймон положил руку Эрнесто на плечо.

– Ты хороший друг. Спасибо, что вернулся за мной.

Эрнесто чуть кивнул.

* * *

Саймон взбежал по темной лестнице, ведущей наверх из пустого склада, и бросил сумку и куртку на пол. Телефонная связь заметно улучшилась с тех пор, как появились новые линии, и он быстро слышал знакомые гудки Галлам Хауза.

– Серрэйлер.

– Это Саймон.

– Да.

– С мамой все в порядке?

– Да. Я звонил тебе по поводу твоей сестры.

– Кэт? Что случилось?

– Марта. У нее бронхиальная пневмония. Ее положили в Бевхэмскую центральную. Если ты хочешь увидеть ее живой, ты должен приехать.

– Конечно, я...

Но он уже говорил с пустотой. Ричард Серрэйлер ни на кого не тратил лишних слов и тем более на своего сына-полицейского.

В этот день был рейс до Лондона, но Саймону потребовалось час провисеть на телефоне и в конце концов прибегнуть к помощи своих знакомых в итальянской полиции, чтобы достать билет на него. Остаток дня он упаковывал вещи, прибирал квартиру и договаривался с Эрнесто о том, чтобы он довез его до аэропорта, так что, только сидя в набитом пассажирами самолете, он наконец нашел свободную минуту, чтобы поразмыслить. Ведь до этого момента он не размышлял вовсе. Телефонный звонок его отца по всем признакам, кроме формального, был приказом, и он подчинился ему беспрекословно. Его отношения с Ричардом Серрэйлером были настолько напряженными, что он вел себя с ним так же, как и с любым вышестоящим лицом в органах полиции, и примерно настолько же эмоционально.

Его кресло было рядом с крылом, так что у него почти не было возможности взглянуть на лагуну, когда они взлетали, что было по-своему хорошо, потому что ему вовсе не хотелось прощаться с Венецией раньше, чем обычно. Оставлять свое убежище, свою работу, свою личную тихую гавань. Пока он гулял по этому городу, по мостам между каналами, по площадям, по маленьким темным улочкам между высокими домами, пока он сидел, смотрел и рисовал, пока он разговаривал с Эрнесто и его друзьями за стаканчиком вина вечером, Саймон Серрэйлер становился кем-то другим, не старшим инспектором полиции Лаффертона, его жизнь и его интересы становились другими, его приоритеты полностью менялись. Время путешествия было временем перехода от одного к другому, но этим вечером его насильно вернули к повседневной жизни, лишив периода расслабленного привыкания.

Зажегся сигнал о том, что нужно пристегнуть ремни, и тележка с напитками начала маневрировать между рядами кресел. Он попросил себе джин с тоником и бутылку минеральной воды.

Саймон Серрэйлер был одним из тройняшек. Его сестра-терапевт Кэт была второй, а брат Иво, работающий врачом в Австралии, третьим. Марта была на десять лет их младше; она родилась, когда Ричарду и Мэриэл Серрэйлерам было за сорок. Она была умственно и физически неполноценна и жила в особом доме призрения большую часть своей жизни. Может, Марта узнает Саймона, а может, и нет. Никто не мог сказать наверняка.

Встречи с сестрой всегда глубоко его трогали. Иногда она лежала в постели, иногда сидела в кресле-каталке: ее усаживали прямо, закрепляли ремнями, фиксировали голову. Когда было можно, он катал ее в саду по дорожкам, вокруг кустов и цветочных клумб. Бывало,

что он сидел с ней у нее в комнате или в одном из общих залов. Он ничего не мог для нее сделать. Разговаривал с ней и держал ее за руку, и целовал ее, когда приходил и уходил.

По прошествии лет его все меньше и меньше заботило, узнает ли она его или дает ли ей что-нибудь общение с ним; даже если его визиты не имели никакого значения для нее, они стали важны для него, в некотором смысле так же, как были важны поездки в Италию. С Мартой он становился кем-то другим. Время, которое он проводил рядом с ней, держа ее за руку, тихо беседуя, помогая ей пить через соломинку или есть с ложечки, полностью поглощало его и успокаивало, унося куда-то далеко прочь от всего, что творилось в его жизни.

Она была жалкой, уродливой, пускала слюни, не разговаривала и едва реагировала на что-либо, и когда он был мальчиком, он стеснялся и расстраивался из-за нее. Марта не изменилась. Изменился он.

Его родители время от времени упоминали о ней, но ее состояние никогда не обсуждалось подробно, и эти беседы всегда были лишены каких-либо эмоций. Какие чувства испытывала к ней мать? Его отец ходил навещать ее, но никогда не говорил об этом.

Если она заболела, ее состояние очень быстро становилось критическим, и все-таки она как-то дожила до двадцати пяти лет. Простуды приводили к легочным инфекциям и пневмонии. *«Если ты хочешь увидеть свою сестру живой...»* Но такое случалось и раньше. Неужели на этот раз она умрет? Будет ли ему жаль? А почему должно быть? Разве кому-нибудь было бы жаль? Значит ли это, что он хочет, чтобы она умерла? Мысли Саймона разбредались. Но ему надо было с кем-то поговорить. Когда он прилетит в Хитроу, он позвонит Кэт.

Он выпил еще джина. В шкафчике над его головой лежали два блокнота, полные новых рисунков, из которых он выберет лучшие и превратит в законченные произведения для своей выставки. Может быть, он пробыл за границей достаточно и лишние пять дней в Венеции бесцельно слонялся бы.

Он допил свой коктейль, достал маленький блокнотик, который всегда держал при себе, и начал рисовать аккуратно заплетенные в косички и украшенные бусинами волосы молодой африканской женщины, сидящей впереди.

Самолет взмыл над Альпами.

Два

– Это я.

– Привет! – как всегда обрадовавшись голосу своего брата, Кэт присела, чтобы поговорить с ним. – Подожди-ка, Сай, мне тут надо устроиться.

– С тобой все нормально?

– Все хорошо, просто не пойму, как будет удобнее. – Ребенок Кэт, третий по счету, должен был родиться через пару недель. – Так, ну вроде я чувствую себя комфортно – насколько это вообще возможно, – но, слушай, давай я тебе перезвоню, мобильные звонки из Италии, наверное, целое состояние стоят...

– Я в Хитроу.

– Что?..

– Звонил отец. Сказал, что лучше мне вернуться, если хочу увидеть свою сестру живой...

– О, сама тактичность.

– В своем духе.

– Мы с мамой решили, что не будем тебе говорить.

– Почему?

– Потому что тебе нужен был этот отпуск, и здесь ты ничего не можешь поделать. Марта тебя не узнает...

– Но я узнаю ее.

Кэт секунду помолчала. Потом она проговорила:

– Да. Конечно. Извини.

– Не стоит. Слушай. Я приеду достаточно поздно, но сразу отправлюсь в больницу.

– Хорошо. Крис сейчас на вызове и, может, съездит туда провести ее еще раз, если ему по пути. Приедешь сюда завтра? Я стала слишком огромной, чтобы водить машину без риска.

– А что насчет мамы?

– Я просто не знаю, что она сейчас чувствует, ты же понимаешь, Сай. Она ездит к ней. Потом домой. Иногда она заезжает сюда, но никогда об этом не говорит.

– Что конкретно случилось?

– Как обычно – простуда, потом легочная инфекция, теперь пневмония... Сколько раз мы уже это видели? Но мне кажется, что ее тело не готово сражаться на этот раз. Она почти не реагирует на лечение, и Крис говорит, что они уже не понимают, насколько агрессивное оно должно быть.

– Бедная маленькая Марта.

Голос брата, ласковый и обеспокоенный, эхом звучал в ушах Кэт, когда она клала трубку. На ее глаза навернулись слезы, как это слишком часто случалось во время беременности... Просто увидев сегодня днем потрепанную мягкую игрушку своей дочери, лежащую в траве после того, как кто-то оставил ее под дождем, Кэт настолько размякла, что заплакала. Она тяжело и неуклюже уселась на диван. Она почти совсем забыла о том, каково это – носить ребенка. Сэму уже было восемь с половиной, а Ханне – семь. Они не планировали этого третьего ребенка. Они с Крисом были единственными двумя напарниками в отделении общей практики, и их запаса времени и энергии едва хватало. Но несмотря на то, что она намеревалась вернуться за операционный стол как можно быстрее, она понимала, что по самому реалистичному сценарию она выйдет из строя на следующие шесть месяцев и будет работать на полставки еще как минимум год после этого. Более того, теперь, когда ребенок вот-вот должен был появиться и она уже успела привыкнуть к этой мысли, она захотела подольше побыть дома вместе с ним и двумя другими детьми, а не нырять обратно в мясорубку врачебной практики.

Четвертого ребенка уже не будет. Это был драгоценный подарок. И она собиралась насладиться им.

Она прилегла на диван и попыталась заснуть, но никак не могла остановить круговорот мыслей в своей голове. Как странно и в то же время как типично для их отца было позвонить в Венецию с такими словами: *«Если ты хочешь увидеть свою сестру живой, тебе лучше приехать домой»*.

И, кстати, как часто он сам навещал Марту? Кэт с трудом могла вспомнить, чтобы имя девочки слетало с его уст, хотя однажды он разозлил ее, назвав Марту «овощем» в присутствии Сэма и Ханны. Стыдился ли он того, что у него умственно неполноценный ребенок? Или злился? Вина ли он себя или Мэриэл?

И какая причина кроется за этим его звонком Саймону, другому своему ребенку, на которого у него никогда не находилось времени?

Саймон – человек, которого, помимо своего мужа и детей, она любила больше всех на свете.

Из ниоткуда появился кот Мефисто, мягко запрыгнул на диван рядом с ней и уютно свернулся в клубок.

Так они и заснули втроем.

Три

Улицы были темны и практически безлюдны, хотя было всего десять часов вечера. Но огни Бевхэмской центральной больницы сияли ярко, и когда Саймон Серрэйлер развернулся на скользкой дороге, его обогнала машина «Скорой помощи» с воющей сиреной.

Ему всегда нравилось работать по ночам, с первых дней работы уличным патрульным констеблем, и до сих пор, когда ему время от времени нужно было возглавлять ночные операции. Его зажигала острота ситуации, то, как все вокруг было наэлектризовано: каждое слово и каждая секунда казались особенно значительными, как и странная возрастающая близость между людьми, порожденная знанием, что они выполняют важную и порой опасную работу, пока весь остальной мир спит.

Он выбрался из машины на полупустую стоянку и взглянул на громадину больничного здания в девять этажей с несколькими нижними дополнительными блоками по углам.

Венеция была в сотне световых лет, но на секунду перед его глазами вспыхнули образы кладбища на Сан-Микеле, каким оно было в холодном свете этого воскресного утра, ленты его гравийных дорожек и бледные, скорбящие статуи. Там, как и здесь, в этой больнице, было каким-то образом сокрыто огромное количество людских переживаний. Они хранились в каждом уголке, так что можно было вдохнуть, коснуться, почувствовать их.

Он прошел через стеклянные двери. Днем фойе больницы больше напоминало терминал аэропорта с множеством маленьких магазинчиков и толпами людей, идущих в разные стороны. Бевхэмская центральная была учебной больницей, центром прохождения практики по нескольким специальностям. Здесь всегда было много пациентов и персонала. Сейчас, когда служебные помещения и офисы окунулись во тьму, подлинная больничная атмосфера начала медленно просачиваться в коридоры. Свет за дверями отделений, скрип каталок, приглушенные голоса, шорох занавесок в палатах... Саймон медленно шел в сторону отделения интенсивной терапии, и эта атмосфера, дух жизни и смерти, слитые воедино, давили на него, разгоняя кровь.

– Старший инспектор?

Он улыбнулся. Всего несколько человек здесь знали, кто он по профессии, и одним из них оказалась сегодняшняя дежурная сестра.

Отделение прибирали на ночь. Вокруг пары коек устанавливали экраны, включали настенные лампы. На фоне тихо пищали и жужжали электронные приборы. Смерть казалась очень близкой, будто парящей где-то в тени или за занавесками, готовая открыть дверь.

– Она в боковой палате, – сказала сестра Блейк и повела его дальше по отделению.

Доктор с засученными рукавами рубашки и болтающимся на груди стетоскопом выскочил из-за перегородки и убежал, на ходу проверяя пейджер.

– Они становятся все моложе.

Сестра Блейк быстро обернулась.

– Не старше шестнадцати, как по мне. – Она остановилась. – Ваша сестра здесь... Тут тихо. Доктор Серрэйлер был с ней большую часть дня.

– Какой прогноз?

– У людей в ее состоянии легко развиваются легочные инфекции... Ну, это вы знаете, они у нее были достаточно часто. Вся физиотерапия мира не может восполнить недостаток обычного человеческого движения.

Марта никогда не ходила. У нее был мозг младенца и неразвитые моторные функции. Она никогда не говорила, хотя издавала гукающие и лепечущие звуки, и не контролировала свое тело. Всю свою жизнь она лежала в кроватях, сидела в креслах и на каталках с закрепленной в рамке головой. Когда она была маленьким ребенком, они по очереди брали ее, чтобы

поддержать, но она всегда была очень тяжелой, и уже никто из них не мог справиться с ней после трех лет.

– Вот телефон отделения, а за стойкой никого нет... Как всегда, не хватает людей. Я буду рядом, если понадобится.

– Спасибо, сестра.

Саймон зашел в палату.

Сначала ему в нос ударил запах – запах болезни, который он всегда ненавидел; но вид его сестры, лежащей на узкой, высокой, неудобной на вид койке, ранил его в самое сердце. Мониторы, к которым она была присоединена разными проводами и трубками, мерцали, а прозрачный мешок с жидкостью, висящий на стойке, периодически тихо булькал, пока его содержимое, капля за каплей, вливалось ей в вены.

Но когда он подошел ближе к постели и взглянул на нее, все медицинское оборудование словно исчезло, потеряло всякое значение. Саймон видел свою сестру такой, какой видел всегда. Марта. Умственно неполноценная, пассивная, бледная, грузная, с полураскрытым ртом, из которого текла слюна. Марта. Кто знал, что она понимала о своей жизни, о мире, о своем окружении, о людях, которые заботились о ней, которые любили ее? Никто никогда на самом деле не мог поговорить с ней. Она воспринимала и осознавала происходящее хуже, чем собака.

И все же... Была в ней какая-то живая искорка, которая с самого начала нашла в Саймоне отклик, и это было глубже и существеннее, чем сострадание или даже простое чувство родства с человеком. До того, как она начала жить в «Айви Лодж», он часто брал ее с собой на прогулки по саду или сажал ее в свою машину и увозил за целые километры, уверенный, что она наслаждается видами из окна; он возил ее на каталке по улицам, чтобы развлечь. Он всегда говорил с ней. Совершенно точно она знала его голос, хотя, может быть, она не имела ни малейшего понятия о смысле, который этот голос хотел донести. Потом, когда он приходил навещать ее в доме признания, он всегда замечал, как она сосредоточенно замирала, услышав его речь.

Он любил ее, странной, чистой любовью, которая не нуждается ни в признании, ни в ответе, да и не требует их.

Ее волосы были аккуратно расчесаны и лежали распущенными вокруг ее головы на высокой подушке. Ее лицо не было отмечено особыми чертами или характером; время как будто прошло мимо него, не оставив никакого следа. Но волосы Марты, которые всегда коротко подстригали, чтобы ее сиделкам было проще с ними управляться, теперь отрасли и сияли в свете больничной лампочки, такие же светлые, как и у него.

Саймон придвинул стул, сел и взял ее за руку.

– Привет, милая. Я здесь.

Он смотрел и ждал, что у нее участится дыхание, дрогнет веко, сообщая ему о том, что она узнала, услышала его, почувствовала его, что она обрадовалась и успокоилась.

Зеленые и белые флуоресцентные линии на мониторе не переставая двигались, образуя маленькие волны, с определенной регулярностью пересекающие экран.

Ее дыхание было глухим, воздух с трудом входил и выходил у нее из легких.

– Я был в Италии, рисовал... много лиц. Люди в кафе, люди на вапоретто. Венецианские лица. Это те же самые лица, которые ты можешь увидеть на великих картинах пятисотлетней давности, лица не меняются, только одежда современная. Я сидел в кафе и пил кофе или кампари и просто смотрел на лица. Никто не возражал.

Он продолжал говорить, но выражение ее лица не менялось, ее глаза не открывались. Она ушла куда-то гораздо дальше, глубже, стала еще более недосыгаемой, чем когда бы то ни было.

Он провел там час, держа ее за руки и тихо разговаривая с ней, будто успокаивал испуганного ребенка.

Он услышал, как по коридору отделения везут каталку. Кто-то закричал. Внезапно на него навалилась невероятная усталость, так что в какой-то момент он чуть не положил голову на подушку рядом с Мартой, чтобы поспать.

Звук открывающейся двери встряхнул его.

– Сай?

Его зять, муж Кэт, Крис Дирбон проскользнул в комнату.

– Я подумал, что тебе может понадобиться это, – он протянул ему пластиковый стаканчик с чаем. – Кэт сказала, что ты поехал сюда.

– Она плохо выглядит.

– Да.

Саймон встал, чтобы размять спину, которая всегда начинала болеть, если он долго сидел. В нем было шесть футов четыре дюйма.

Крис потрогал лоб Марты и посмотрел на мониторы.

– Что думаешь?

Крис пожал плечами.

– Трудно сказать наверняка. С ней все это бывало и раньше, но теперь слишком многое работает против нее.

– Все.

– Это трудно назвать жизнью.

– Можем ли мы быть уверены?

– Я думаю, да, – мягко сказал Крис.

Они стояли, глядя на Марту, пока Саймон не допил свой чай и не бросил стаканчик в корзину.

– Теперь я дотяну до дома. Спасибо, Крис. Я без сил.

Они ушли вместе. В дверях Саймон оглянулся. Ничего с тех пор, как он пришел, – ни движения, ни единого признака, кроме глухого дыхания и ритмичного писка мониторов, – не свидетельствовало о том, что тело на кровати было живой молодой женщиной. Он вернулся, склонился над Мартой и поцеловал ее в щеку. Ее кожа была влажной и покрытой пушком, как у новорожденного.

Саймон подумал, что больше никогда не увидит ее живой.

Четыре

– Гантон?

Что-то обязательно должно было случиться, даже сегодня, просто чтобы он понимал, что ничего не изменилось, пока не наступило восемь часов завтрашнего утра.

Он обернулся.

Хикли держал в руках садовую тяпку.

– И это, по-твоему, чисто?

Энди Гантон вернулся в большой сарай, где хранились инструменты. Он отчистил грязь с тяпки так же тщательно, как обычно. Если Хикли, единственный надзиратель, с которым он никак не мог поладить, нашел кусок земли между зубцами, он запихнул его туда сам.

– Никаких заляпанных инструментов, ты знаешь, как это работает, – Хикли ткнул тяпкой Энди в лицо.

«Ну давай, – говорил этот жест, – давай, попробуй, ответь мне, дай сдачи, кинься на меня с садовой тяпкой наперевес... Сделай это, и я оставлю тебя здесь еще на месяц, посмотрим, каково тебе будет».

Энди взял тяпку и уселся на скамейку под окном. Он аккуратно почистил каждый зубец и пропустил тряпку между лезвий, а потом начал тщательно натирать рукоятку. Хикли смотрел, сложив руки на груди.

Кухонный сад за окном уже опустел, работа на этот день была окончена. На один странный момент Энди Гантон задумался: «Я все пропущу. Я посеял семена, которые не пожну, я посадил деревья, за которыми не буду ухаживать, пока они растут».

Он поймал себя на этой мысли и чуть не засмеялся.

Он повернулся и отдал заново начищенную тяпку надзирателю на проверку. Он не испытывал ненависти к Хикли. Всегда есть кто-то подобный. Хикли был не такой, как остальные здешние надзиратели, которые относились к ним скорее как учителя к ученикам и действительно добивались от них лучших результатов. Для Хикли они по-прежнему были заключенными, врагами. Отбросами. Был ли Энди отбросом? Первые несколько недель за решеткой он именно так себя и чувствовал. Он был в шоке от всего происходящего, но больше всего от осознания реальности того, что он не может расправить плечи, что он заперт, потому что посреди неудачного ограбления запаниковал и толкнул ни в чем не повинного мужчину, и мужчина упал на бетон, разбил себе череп и умер. Слово *«убийца»* продолжало звенеть у него в голове, описывая круги, как листок в раковине: *«убийца, убийца, убийца»*. А разве убийцы не отбросы общества?

Он ждал, пока надзиратель осмотрит тяпку. Давай доставай свой микроскоп или что там у тебя, ты и чертовой пылинки не найдешь.

– Унеси это.

Энди Гантон медленно вставил рукоятку в металлический держатель на стене сарая.

– Последний раз, – сказал он.

Но Хикли не собирался желать ему счастливого пути, он скорее удавился бы, чем поздравил его с окончательным освобождением. «Не позволяй этим сволочам вывести тебя из себя», – посоветовал ему кто-то в его первый день восемнадцать месяцев назад. Он вспомнил об этом очередной раз, когда уходил, не проронив ни слова и не оглянувшись через плечо на Хикли, и пока шел через огород к восточному крылу тюрьмы Берли Оупен.

Через один из вентиляционных люков с кухни доносился запах вареных яиц; через окно был слышен стук теннисного мячика, скачущего туда-сюда по столу: ток-ток, ток-ток.

Однажды, услышав, как он говорит: «Всегда бывает первый раз», – один из надзирателей, во время его первой недели в тюрьме Стэктон, прорычал ему в ответ: «Нет, Гантон, первый раз бывает не всегда, но абсолютно точно всегда бывает последний».

Тогда, почти четыре года назад, когда он все еще был в состоянии шока и все его нервы были оголены, эти слова вонзились ему в память, как стрела в мишень, и так в ней и застряли.

Всегда бывает последний. Он остановился у двери своего жилого блока и огляделся. Последний рабочий день. Последний раз, когда он чистит садовую тяпку. Последнее вареное яйцо со свеклой и картошкой. Последняя игра в пул. Последняя ночь в этой постели. Все. Все. Все.

У него моментально свело живот, когда головокружительная мысль о внешнем мире снова пришла ему в голову. Он бывал там, сначала ездил за покупками с надзирателями, потом бегал в местный магазин, что-то доставлял, но это было не то, он знал это. Открытая тюрьма постепенно ослабляет твои кандалы, но они все равно на тебе, ты все равно еще внутри, а не снаружи, тебе все еще ставят условия, где тебе есть и спать, с кем общаться, из-за твоего прошлого, из-за того, почему ты здесь оказался.

Твоему телу, может быть, и разрешено быть снаружи, но твой разум остается в этих стенах, твой разум не может, не отваживается, принять это.

Он отпер дверь. Полуполуденное солнце освещало стену грибного цвета, из-за чего она выглядела еще более обшарпанной. Все здесь нуждалось в покраске. Наверное, они очень старались, когда все это начинали, некоторые наверняка даже гордились своими попытками сделать это место как можно менее похожим на тюремную камеру, а общественные пространства сделать похожими на молодежный клуб или офисный центр. Теперь, однако, все здесь нуждалось в ремонте, в покраске, в обновлении, в перестановке, но, казалось, время для этого никогда не придет.

Все. Все. Все. Уйти отсюда. Уйти...

Энди открыл окно. Он вспомнил свой первый день и то, как он не мог привыкнуть к этой незначительной вещи – возможности открыть собственное окно, когда ему хочется. Он все не переставая делал это, открывал и закрывал окно, открывал и закрывал.

Он оперся на подоконник. Завтра в эту комнату поместят кого-то другого. Другой человек, переведенный из закрытой тюрьмы в открытую, будет делать это снова и снова. Открывать окно. Закрывать. Открывать. Закрывать, снова и снова. Завтра.

В дверь громко застучали, и в комнату влетел Спайк Джонс – еще до того, как Энди успел ответить. Спайк был нормальный мужик.

– Они там собираются играть в мини-футбол.

– Не.

– Чего ты?

– Я все равно уже отдал свои бутсы.

– Понятно. Забираешь Кайли Миноуг?

– Она твоя.

Спайк засмеялся, снял и свернул в трубочку постер, который висел на шкафу. Он останется в Берли еще на десять месяцев. Он всегда заглядывался на эту картинку.

– Тоска напала?

– Отвали.

Тоска. Энди снова отвернулся к открытому окну. Тоска. Нет. Это было вначале, в первые дни и недели в Стэктоне, когда он не мог отличить день от ночи и думал, что сходит с ума. Тоска. Он не поддавался ей с тех пор, как перевелся сюда и начал проводить время в огороде. И больше она его не одолеет.

Вечер прошел так же, как и все остальные, и он был этому рад. Он не хотел, чтобы что-то было по-другому. Он поел в столовой, постоял снаружи с парой товарищей, наблюдая, как

другие играют в футбол на подсвеченной площадке, выкурил папиросу, вернулся и час поиграл в пул. В десять он уже был в своей комнате и смотрел «Западное крыло».

Он проснулся растерянный, весь в поту после кошмара. Из-за огней охранных вышек по периметру здесь никогда не было по-настоящему темно. Три ночи на часах.

А потом шок от того, что должно было произойти, снова накрыл его с головой, и ему стало так страшно, что все у него внутри упало, а горло сжалось. Четыре с половиной года тюремной жизни, в которые он учился подстраиваться, притворяться, прятать свое настоящее лицо так тщательно, что теперь он уж и забыл, какое оно, это лицо. Четыре с половиной года рутины, правил, учебы, эмоций, которые ему приходилось тут разыгрывать, метаний от ярости к отчаянию, от отчаяния к принятию, к надежде и обратно. Через четыре часа эти четыре с половиной года закончатся. Через пять часов его здесь не будет. Через пять часов эта комната, это место, исчезнут для него, и, что самое важное, он исчезнет для него. Станет историей. Его имя пропадет из списков, его лицо будет забыто.

Пять часов.

Энди Гантон лег на спину. Если он так себя чувствовал после четырех с половиной лет заключения, то каково было тем, кто просидел пятнадцать или больше? Накрывал ли их такой же приступ паники при мысли о том, что больше не будет стен, режима, этой изматывающей рутины, которая в скором времени становится единственным, чего стоит держаться, ради своей же безопасности?

Он вспомнил первую неделю в Стэктоне. Ему было двадцать. Он не знал ничего. Вонь и шум этого места, мертвенные лица и подозрительные взгляды, желание даже не уйти или сбежать отсюда, а скорее исчезнуть, раствориться, гудящий храп Джоуи Батлера, его первого сокамерника, к которому он так и не привык и под который никак не мог достаточно глубоко заснуть, красные шелушащиеся пятна, мгновенно переросшие в экзему после пары ночей на тюремном матрасе и не проходившие до тех пор, пока он не перевелся сюда, – все это вновь навалилось на него, он пережил все это снова, лежа без сна и пялясь на тусклые отблески света на стене. Говорят, отсидка делает с тобой две вещи. Забирает твою душу, и ты уже никогда полностью не владеешь собой: тобой навсегда завладевает тюрьма, и ты просто продолжаешь делать все, что можно, чтобы в нее вернуться, или она вытравляет из тебя все пламя, меняет тебя, пережевывает и выплевывает. Исцеляет тебя.

Он был исцелен в тот самый момент, когда отдал свои вещи и переоделся в тюремную робу. Его можно было отпускать уже тогда. Это сработало. Он бы никогда туда не вернулся.

Разве мог он подумать тогда, что четыре с половиной года спустя он будет чувствовать себя так: до ужаса бояться уйти, цепляться за знакомое, отчасти надеясь, что ему сообщат об ошибке, скажут, что ему надо отсидеть еще срок, что эта комната завтра снова будет его?

Он продолжал всматриваться в свет на стене, пока он не посерел с наступлением рассвета.

Пять

Саймон Серрэйлер спал крепко и проснулся от звона часов кафедрального собора, пробивших восемь. Его квартира – идеальное пространство, которое он с такой любовью и заботой создал для себя сам, – была прохладной и тихой, и ее наполнял мягкий свет мартовского утра. Он надел халат и направился в просторную гостиную, спокойную комнату без штор с отполированными полами из вяза, книгами, пианино и картинами. Огонек на автоответчике не мигал. Никто не позвонил ему, чтобы сказать, что его сестра умерла.

Он наполнил кофемолку зернами, а фильтр – водой. Через полчаса первые машины начнут занимать места на стоянке снаружи, и шаги тех, кто раньше всех приходит на работу, эхом раздадутся на лестнице. Остальная часть этого георгианского здания давно была отдана под офисы разных епархиальных организаций и пары юристов. У Саймона была единственная жилая квартира. Он обычно отправлялся в участок к восьми и редко возвращался раньше семи, так что нечасто встречал здесь кого-то – в течение дня здание жило собственной жизнью, о которой он мало что знал. Это ему подходило, он был очень замкнутым и сосредоточенным, и ему было вполне комфортно в своем упорядоченном мире. Он ценил свою работу и получал удовольствие почти от каждого дня своей жизни в полиции, но иметь такое убежище было для него необходимо.

Взяв в руки кружку, он подошел к трем своим рисункам, висящим в рамках на стене справа от высокого окна. Он сделал их во время своей последней поездки в Венецию и сразу увидел, что они были лучше, чем все, что он создал за предыдущие несколько дней в этом городе. Он уже давно так хорошо не работал, не находя себе места из-за событий прошедшего года. Убийство Фреи Грэффхам стало для него сильным ударом, и не только из-за того, что потеря товарища по службе – это всегда трагедия, после которой сложно оправиться.

– Нет, – сказал он себе и быстро вернулся на кухню еще за кофе. Не стоит снова об этом думать. Он надел джинсы и кофту, взял холщовую сумку, в которую складывал свои принадлежности для рисования. Открывались офисы, голоса раздавались из полуприкрытых дверей, на маленьких кухнях кипели чайники. «Странно – подумалось Саймону. – Дом как будто стал каким-то другим, чужим. Странно». Странно было надевать джинсы вместо костюма в рабочий день, странно было быть здесь вместо того, чтобы изучать потайные каналы в Венеции. Странно и дезориентирующе.

Он поспешно уехал из Лаффертона.

Больница как будто тоже была другой. Он с трудом нашел парковочное место, фойе было заполнено людьми, которые были здесь по делам, не связанным с лечением пациентов: носильщики, толкающие кресла-каталки, стайки студентов-медиков, доставщики цветов, две дамы, устанавливающие стенд благотворительной кампании. Здесь, внизу, запах антисептика был еле различим.

Лифты были заполнены, в палатах было шумно. Где-то кто-то уронил ведро и выругался. Но в комнате Марты ничего не изменилось. Мониторы пищали, флуоресцентные зеленые волны мерцали на экране, жидкость в пластиковом мешке над ее головой капала. Сначала он подумал, что его сестра выглядит так же, но когда он подошел ближе, Саймону показалось, что цвет ее кожи слегка потемнел. Ее волосы были влажными, веки совсем истончились, как мягкие пленки у грибов.

Он задумался, как и всегда, когда ему доводилось видеть ее, сколь многое доходит до ее разума, что она различает и понимает, задумывается ли она, и если да, то насколько детально. В том, что она *чувствует*, он не сомневался. Ее чувства всегда трогали его, потому что она выражала их, как дитя, смеясь и плача так же самозабвенно и заливисто, и так же быстро пре-

крашая; впрочем, Саймон никогда не мог толком понять, что именно пробуждало ее эмоции и находился ли их источник снаружи или внутри.

Ее неполноценность настолько исказила ее черты, что сложно было различить какое-то семейное сходство, но для Саймона это делало ее еще более уникальной личностью.

Он пододвинул стул поближе к ее постели.

Он был слишком увлечен рисованием, чтобы заметить, как открылась дверь.

Он пытался уловить дух своей сестры, освободив его, хотя бы только на бумаге, от медицинских аппаратов, окружавших ее, и когда он смотрел на волосы у нее на голове, на изгиб ноздрей под широким носом и на ресницы, которые лежали у нее на щеках, как волоски самой лучшей кисточки, он увидел, что она была красива, как бывают красивые дети, потому что ни время, ни опыт еще не отражаются на их лицах. Рисуя ее веки тончайшими карандашными штрихами, он чуть было не задержал дыхание.

– О, милый... – на ее высокой прическе сияли капли дождя. – Кэт сказала мне, что ты вернешься.

Они смотрели на неподвижное, неестественно распластанное тело на кровати.

– Мне так жаль.

– Не переживай.

– Каждый раз, когда я вхожу в эти двери, меня как будто разрывает надвое, – сказала Мэриэл Серрэйлер. – Я боюсь, что найду ее мертвой. Я надеюсь на это. Я молюсь, но не знаю, кому и о чем. – Тут она наклонилась и коснулась губами лба Марты.

Саймон придвинул для нее стул.

– Ты рисовал ее.

– Я уже давно хотел это сделать.

– Бедная маленькая девочка. Доктора уже приходили?

– Не этим утром. Я говорил с сестрой Блейк вчера ночью. И Крис был здесь.

– Она в любом случае безнадежна. Но никто из них не скажет этого.

Он положил руку на ладонь своей матери, но она не повернулась к нему. Ее речь звучала так же, как и всегда, когда она говорила о Марте: холодно, отстраненно, профессионально. Теплота в ее голосе, знакомая остальным, как будто бы исчезала. Саймон не заблуждался на этот счет. Он знал, что она любит Марту так же, как и любого из своих детей, но совершенно другой разновидностью любви.

Его рисунок лежал на простыне. Мэриэл взяла его в руки.

– Странно, – сказала она. – Красота без характера. – Затем она повернулась, чтобы взглянуть на него. – А ты? – Она посмотрела на него с обезоруживающей прямоотой. Ее глаза были глазами Кэт и Иво, очень круглыми, очень темными, совсем не как его, голубые. Она ждала, сидя неподвижно и очень спокойно. Саймон взял рисунок и стал укладывать его под защитную пленку.

– Я считаю, лучше бы твой отец не звонил тебе. Тебе был нужен отпуск.

– Я возьму еще один. Я пойду за чаем. Тебе захватить?

Но его мать только покачала головой. В дверях Саймон обернулся и увидел, что она осторожно убирает прядь волос своей дочери у нее с лица.

Шесть

- Приезжай сюда... Пообедаешь со мной.
- Может быть, завтра.
- Почему?
- Я собираюсь на Гайлам Пик... Хороший день для прогулки. Пообедаю в пабе.
- Тоска напала?
- Не совсем.
- Я еще позвоню тебе попозже.

Саймон положил трубку. Его сестра знала его слишком хорошо. Тоска? Да. Когда он так себя чувствовал, он был не лучшей компанией, ему нужно было максимально удалиться от дома и, как однажды выразилась сама Кэт, выгулять тоску из своего организма. Это было из-за всего сразу: из-за внезапно прерванной поездки в Венецию, из-за Марты и из-за непроходящего похмелья от прошлого года. В следующую среду он вернется к работе. Сейчас ему нужно было потосковать.

Гайлам Пик был одним из цепочки холмов, раскинувшихся на тридцать миль к западу от Лаффертона. Их огибала извилистая дорога, выходящая по вересковым пустошам. Несколько подтопленных деревень приютились в тени крутых склонов между вершинами. Летом тропинки были расцвечены стайками туристов, а скалолазы, как пауки, свисали с веревок, закрепленных на каменистых уступах. Эти вершины были большой игровой площадкой для Бевхэма. Люди приезжали сюда из города, чтобы запускать воздушных змеев и самолеты на радиоуправлении, летать на дельтапланах и кататься на горных велосипедах.

Остальную часть года, особенно в плохую погоду, сюда никто не приходил. Саймон больше всего любил такие дни, как этот, когда он мог сидеть на вершине Гайлам Пика среди блеющих овец и парящих ястребов и окидывать взором сразу три графства, рисовать, думать, даже спать на сухой разноцветной траве и ни с кем не разговаривать.

Он всегда поражался, как люди могут жить в семьях, не вылезать с шумной работы, из автобусов, поездов, с запруженных улиц, день за днем, совсем не позволяя себе убежать в дикие, пустынные места.

Он был единственным на мрачной, огороженной забором площадке, служившей стоянкой. Он забрал свою холщовую сумку, заблокировал руль и запер все замки. В машине не осталось ничего, кроме старого ковра: ни встроенного радио, ни CD-плеера у него не было. Может быть, сейчас стоянка и выглядела пустынной, но места типа этого были легкой мишенью для воров в любой сезон.

Полтора часа спустя он сидел на большом камне на вершине Пика. Мартовское солнце гоняло тени, словно кроликов, по лужайкам внизу. Прозрачный воздух наполняло только меланхоличное блеяние сотен длинношерстных овец, издревле обитающих в этих местах, которые были беспорядочно разбросаны по холмам.

Он расслабился. Он был здесь бесчисленное количество раз и рисовал вершины и облачное небо над ними, и, конечно, овец, во все сезоны, при любой погоде, пока, по крайней мере, до следующего раза, не оставалось ничего, чего бы не коснулся его карандаш.

Кэт говорит – тоска. Но сейчас, здесь, от холодного весеннего ветра у него кружилась голова, и он не испытывал тоски. Лучи солнца грели его лицо. Он откинулся на спину и скрестил руки за головой. Одинокий жаворонок, описав спираль, взметнул в голубое небо и дальше, куда-то в белизну за ним.

Эхо его песни обрубил и проглотил шум вертолета, и его тень заслонила солнце от Саймона. Шокированный, он сел. Эта штуковина скользила над холмами, уносимая вихрем вращающихся металлических лопастей. Он видел его шасси – настолько близко, что мог вытянуть руку и коснуться их; и пока он наблюдал, как вертолет пересекает долину, направляясь на восток, он смог различить фигуры двух человек внутри. Это был не медицинский и не полицейский вертолет, а, насколько он мог судить, частный.

Пока он двигался над холмами, до смерти напуганные овцы врассыпную разбегались вниз и вверх по склонам, стараясь убежать от шума и от скользящей по земле тени. Сама машина была уже далеко за пределами видимости, когда наконец вновь наступила тишина.

Песня жаворонка была прервана.

Саймон поднялся на ноги и перекинул холщовую сумку через плечо. Внезапный жуткий шум и неприятное зрелище нарушили его покой и чувство умиротворения так же, как они спугнули овец и заставили замолчать птиц.

Он пошел по крутой тропинке, которая вела к подножию Пика, следуя за указателями к Гардэйлу.

Семь

Его постель была убрана, на ней лежал только голый матрас, простыни и одеяла были свалены в кучу у двери. На стенах остались бледные следы, там, где висели его постеры, календарь и фотографии. Его сумка лежала у его ног, уложенная и застегнутая на молнию. Готов.

Он был готов.

Он был готов с шести.

Только готов он не был – вот что понял Энди. Он паниковал. Его желудок уже дважды сделал кульбит у него в пузе, и ему пришлось быстро бежать в сортир.

Он вспомнил те дни и ночи, которые провел, представляя себе это утро, планируя его, фантазируя о нем, считая до него часы. И вот оно пришло, а он до усрачки напуган.

Теперь он понимал, почему многие из них просто шли и швыряли кирпич в витрину магазина или вырывали сумочки у женщин из рук. Они были готовы на все, чтобы снова оказаться в безопасности, – как дети, которые хотят оказаться «в домике» во время догонялок на детской площадке.

Совсем другое дело, когда тебя кто-то ждет, – дети, готовые броситься тебе на шею, жена, истосковавшаяся по тебе: ты не позволишь себе снова оказаться на пороге этого места.

Он встряхнулся, встал и сделал тридцать отжиманий. Он был подтянутым; работа в огороде и постоянные игры в баскетбол и футбол этому способствовали. Пропотев, он лег обратно на тонкий матрас. Хорошо, – сказал он себе, – ты в форме, и у тебя снаружи есть будущее.

Ага, надейся.

Он перевернулся на бок и снова заснул.

Все улицы были залиты водой, буря была настолько сильной, что он едва мог устоять на платформе. Он вернулся обратно в душный буфет. Сообщили, что поезд опоздает на сорок пять минут. На маршруте произошло затопление.

Люди вокруг обсуждали эту новость. Он взял себе еще одну кружку чая и пончик.

Час назад он вышел из ворот тюрьмы со своей сумкой – он и еще двое других, но он сразу же отделился от них; их, в конце концов, снаружи кто-то ждал. Семьи. Он не ожидал каких-то церемоний и все-таки был шокирован тем, насколько быстро все произошло. Вещи, которые они хранили для него, разложили на стойке, перебрали и отдали под роспись; ему вернули его деньги и проездной, а потом провели вдоль ограждений и проводили за ворота. Последний раз он услышал звон ключей.

И тут – дождь, хлещущий тебе в лицо, и ветер, сбивающий тебя с ног.

– Там машину перевернуло на Симпсон-стрит.

– На восьмерых уже упали деревья, я слышал.

– Быть не может, в этом чертовом городе восьми деревьев и не насчитаешь!

– Дети не пошли в школу, слишком опасно.

– У церкви Святого Николая сорвало часть крыши.

Энди сидел, сжав кружку у себя в руках. У него было ощущение, что все вокруг нереально. Люди разговаривали, вставали, садились, входили и выходили через двери буфета, и никто не обращал на него никакого внимания. Никто не знал, откуда он только что вышел.

А что, если бы знали?

Не то, что он был на свободе, сам по себе, что он мог купить себе чашку чая и пончик, подождать поезд – вовсе не это беспокоило его. А то, что никто не смотрел в его сторону, никто не обращал на него ни малейшего внимания. За ним постоянно следили четыре с половиной года, а сейчас он стал невидимым.

Ветер так сильно ударил в двери, что распахнул их настежь и опрокинул на пол несколько пустых стульев. Ребенок в красной куртке завизжал.

Он вспомнил свою мать. Она приходила навестить его всего полдюжины раз, прокрадываясь в комнату для свиданий с опущенной головой и глазами, прикованными к полу от стыда, а после этого она в основном лежала по больницам и была слишком больна, чтобы приходить. Он не воспринимал эту помятую женщину как свою мать, он думал о другой – той, к которой он прибежал, когда друзья Мо Томпсона прищемили ему пальцы дверью ради забавы, и той, которая как-то нашла его, когда они отвели его в Верри к одному из сараев и заперли его в темноте, не преминув предварительно сообщить ему, что скребущиеся звуки на крыше издают именно крысы. То была его мать – женщина с мощными руками и красными кулаками, готовыми выбить всю дурь из его обидчиков, и с голосом, который было слышно за несколько улиц, как сирену. С годами она будто усохла. На ее пальто были серые пятна, а в складках ее шеи собиралась грязь. Когда она нагибалась к нему через стол в комнате для посетителей, от нее пахло.

Женщина за стойкой буфета пыталась подоткнуть под дверь сложенную газету, но ветер вырывал ее у нее из рук, и вскоре вода начала хлестать из-под двери на коричневый линолеум.

Трое мужчин подошли, чтобы помочь ей. Она взяла швабру и ведро и попыталась загнать потоки дождевой воды обратно.

Ребенок одновременно орал и жевал шоколадку, пока ветер гремел оконными стеклами.

Энди хотел вернуться. Здесь было небезопасно, земля как будто бы уходила у него из-под ног, и тот факт, что никто здесь не знает его имени, пугал его.

Где-то снаружи ветер сорвал часть жестяной кровли, и она с грохотом упала на асфальт.

«Мам», – пробормотал про себя Энди, и именно с женщиной с мощными руками и красными кулаками он сейчас разговаривал. Мам.

Невнятное эхо зазвучало из динамиков, возможно, сообщая о прибытии его поезда, возможно, о конце света.

Сразу после этого погас свет, и на несколько секунд все замерли, замолчали, даже ребенок.

Погода застала их врасплох. Прогнозы сообщали о сильном дожде и порывистом ветре, но не о жутком урагане, способном вызвать такие разрушения и привнести столько хаоса в обычное утро понедельника. Электричество в буфете так и не заработало, а поезда начали ходить только после полудня.

– И что мне, черт побери, теперь делать?

У женщины с ребенком был еще младенец в коляске и два чемодана. Экстренный переход на другую платформу означал, что ей нужно пересечь стальной мост. Она была вся в слезах, ее дети устали, а дождь продолжал лить как из ведра.

– Пойдем, милая, – услышал Энди собственные слова. Он взял чемоданы и после того, как перенес их по мосту, вернулся за коляской. Дальняя платформа была забита настолько, что это казалось опасным. Потоки дождя выплескивались из водосточных труб и лились под ноги.

– Возьмите на руки свою малышку, а я открою дверь и закину вещи на ваше место, не суетитесь.

– За что мне это? – раз за разом вопрошала у него женщина. – Я не знаю, за что мне это.

– Кто-нибудь другой обязательно вам бы помог.

– Но сейчас же никому нельзя доверять, люди пошли странные. Но вам доверяю.

Энди посмотрел на нее. Она говорила искренне. Позже, как он тогда подумал, он еще осознает всю глубину иронии.

– Куда вы сами едете?

– Лаффертон. Ну, рядом с Бевхэмом.

– Да это же другой конец страны!

– Да.

– Едете домой?

Он не ответил. Он не знал.

– Чем вы занимаетесь?

Он открыл рот. Дождь стекал по его шее за ворот рубашки.

– Выращиваю овощи.

Но в поезд уже начали забиваться люди. Она хлопотала над своими детьми и не слышала его.

Энди боком остановил дверь, когда она уже закрывалась перед ним, и как только фиксаторы замков встали на место, он зашел внутрь вагона, протолкнулся к нужному сиденью, закинул на полку чемоданы и вернулся, чтобы взять детей.

– Вы святой, вы это знаете, что бы я без вас делала? Я бы никогда со всем этим не справилась, вы заслуживаете чертовой медали.

Прошел еще час, прежде чем он сел на поезд сам. К этому времени электричество уже вернули и ветер утих, хотя дождь продолжал накрапывать.

Свободных мест не было, как и вагона-ресторана. Он сидел на своей сумке в проходе, прижавшись к парню с дребезжащим плеером.

Он никак не мог предупредить Мишель о том, когда он приедет, и сейчас это уже вряд ли имело значение. Поезд постоянно останавливался, иногда на пару минут, иногда на полчаса. Через какое-то время он так, сидя, и заснул. Когда он проснулся, снаружи уже было темно.

Он задумался, где сейчас та женщина с детьми.

Парень толкнул его локтем и передал банку «Лагера».

– Твое здоровье. Это откуда?

– Завалилось несколько в сумке.

Энди сделал большой глоток теплого газированного пива.

Четыре часа спустя он шел по бетонной дороге к дому своей сестры. Все еще шел дождь. На всей улице, с самого ее начала и до конца, стоял шум: шум телевизора, шум музыки, шум от детских криков и шум от ора взрослых. Оранжевый уличный фонарь осветил пластиковый трактор у него под ногами.

– Черт возьми, а ты припозднился.

Его сестра Мишель выглядела скорее на сорок, чем на тридцать, и в коридоре за ее спиной пахло жареной едой. Она навестила его в тюрьме дважды. Оба раза в самом начале, до того, как вышла замуж за Пета Тейта после развода со своим первым горемычным мужем и обзавелась еще парочкой детей.

– Что ты так долго?

Энди прошел за ней через весь дом на маленькую кухню, где запах жареного был еще сильнее. Горячее масло брызгало из сковороды с картошкой на обои под плитку. Он кинул на пол свою сумку.

– Ну, там была гроза. Буря, потоп – если ты вдруг не выглядывала сегодня из окна.

– Ага, ха-ха-ха, мне пришлось продирааться сквозь нее, чтобы вот их отвести в школу, так-то. А что, из-за нее и поезда отменили?

– Типа того.

– Ты чаю хоть попил?

– Нет.

Его сестра вздохнула и подставила горлышко чайника под кран. В комнате по соседству из телевизора раздался оглушительный звук визжащих шин.

Энди сел за стол. У него болела голова, он был голоден, и ему хотелось пить. Чувствовал себя разбитым. Ему не хотелось находиться здесь. Он хотел быть дома. Но где дом? Его нет. Это место было ближе всего к этому понятию.

– Тебе придется спать на диване или наверху с Мэттом в его комнате.

– Мне все равно. Пусть будет диван.

– Ну, Пит захочет смотреть телевизор до ночи, у нас подключен «Скай», он смотрит спорт.

– О'кей, тогда комната Мэтта. Я уже сказал, мне все равно.

Он поднял глаза. Его сестра внимательно смотрела на него, поджигая сигарету. Ему она не предложила.

– Узнаешь меня заново.

– Выглядишь ты, как раньше, – наконец сказала она, скрывшись за облаком дыма. – Только, может быть, старше.

– Я и *стал* старше. Мне было девятнадцать. Сейчас мне почти двадцать пять.

– Черт возьми...

Она поставила перед ним кружку с чаем.

– Пит сказал, что ты можешь оставаться до тех пор, пока не найдешь чего-нибудь. Они куда-нибудь тебя пристроят, пока ты на испытательном сроке?

– Слушай, если ты хочешь, чтобы я допил свой чай и ушел, просто скажи, Мишель.

– Мне совершенно без разницы. Что ты собираешься делать целыми днями?

– Работать.

– Но ты никогда не работал.

– Буду работать.

– Кем? Что ты будешь делать?

– Я проходил обучение.

Жир от картошки с яростным шипением брызнул на стену. Она сняла сковородку с огня.

– Чему научился, вышиванию мешков для почты?

– Ты ничего не знаешь. Ты не навещала меня, чтобы узнать подробности.

– Я писала тебе, разве нет? Отправляла тебе всякие вещи, фотографии детей. Ты был, черт побери, через полстраны, да и у Пита не было особого желания.

Пит Тейт. Он был рядовым в армии, когда Мишель вышла за него, но его уволили со службы, когда он упал со стены во время прохождения полосы препятствий и повредил спину. Теперь он сидел в подсобке и пилился в экраны камер наблюдения в местном торговом центре с двух часов дня до полуночи. Энди знал только это из коротких записок, которые Мишель удосуживалась написать ему несколько раз в год.

– Они предоставят мне жилье. Квартиру или что-то в этом духе.

– Ты хочешь фасоль или томаты?

Мишель начала раскрывать пачку солонины.

– Неважно.

Печеная фасоль. Солонина. Жареная картошка. Консервированные томаты. Тюремная еда. Он поднялся и налил себе еще чая. Ему вспомнилась женщина с кучей детей и багажом. Забавно. Ты встречаешь людей. Говоришь с ними. Они уходят. Ты никогда их больше не встретишь. Все эти мужчины в тюрьмах. Ты никогда их больше не встретишь.

– Дети смотрят телевизор?

– Они уже давно в постели. Сейчас половина десятого. Я не из тех, кто позволяет им шататься допоздна.

Она поставила перед ним тарелку с едой.

Значит, телевизор показывал автомобильную погоню самому себе.

– Я не ел с половины седьмого.

– Тогда хочешь еще хлеба с маслом?

Энди кивнул, набив полный рот фасоли и картошки.

Мишель села напротив него.

– Я не хочу, чтобы мои дети выросли такими же, как все остальные тут, и я не хочу, чтобы они наслушались всякой ерунды от тебя.

Ерунда. Ерунда осталась где-то далеко позади, в другой жизни. Он даже и не думал ни о чем таком. Он не был девятнадцатилетним оболтусом вот уже почти шесть лет, причем ни в каком смысле.

– Не наслушаются.

– Всегда можешь пойти работать охранником. Пит мог бы замолвить словечко, только я не знаю, что они будут спрашивать.

– А они будут спрашивать.

– Ты должен чем-то заниматься.

– Я об этом и говорил.

– Но чем именно? Ты так и не сказал.

В телевизоре были полицейские сирены.

– Ты никогда его не выключаешь?

– Что?

– Ты даже не замечаешь, что он включен, да?

– Я, черт возьми, только присела, была на ногах целый день. К тому же Пит захочет его посмотреть, когда придет.

– Это будет через три часа.

– Заткнись, а! Кто ты такой, чтобы говорить мне, как вести дом и жить свою жизнь, ты только что вышел после пяти чертовых лет тюрьмы, тебе офигеть как повезло, что Пит не сказал – нет, извини, без вариантов, он, на хрен, здесь не останется. Он сказал, что ты можешь остаться.

– Как мило с его стороны.

– Слушай...

– Овощеводство.

– Что?

– Я обучался этому. У них был большой огород, и мы снабжали овощами всю округу, магазины, гостиницы, школы. Целое предприятие.

– Это что, типа копать и сажать картошку? Это вроде как тяжелая работа. У тебя и практики такой особой не было.

– Ну, теперь есть.

– И они дадут тебе работу, на которой ты будешь копать?

– Там нужно далеко не только копать.

– А ты умеешь подстригать живые изгороди? У нас там перед домом нужно немного подрезать, и, если хочешь подолбить бетон на заднем дворе, я могу раздобыть каких-нибудь цветов.

– Нет, не хочу.

– Они дали тебе денег, когда ты вышел оттуда?

– Я их заработал. Они хранят их, чтобы потом отдать тебе.

– Ну, если ты будешь столько есть...

Энди развернулся на стуле и снял со спинки свою куртку. Он достал пластиковый кошелек со всеми причитающимися ему деньгами, который ему выдали этим утром, и швырнул его на стол.

– Возьми, сколько хочешь, – сказал он, глядя на Мишель, – я и не ожидал, что дождусь от сестры чего-то за просто так.

Заглушая голоса двух ожесточенно спорящих мужчин в телевизоре, в комнате наверху закричал ребенок. Энди попытался вспомнить, как его зовут или хотя бы племянник у него или племянница, но так и не смог.

Восемь

Саймон прошел уже полпути вниз по крутой тропинке к расщелине, когда небо, которое все это время затягивалось тучами у него над головой, будто бы разверзлось и обрушило на землю целый океан дождя. Он проклял себя за то, что решил продолжать идти, несмотря на испортившуюся погоду, а не сразу вернулся к своей машине, так что теперь вынужден был цепляться за колючие кустарники вдоль дороги, пока со всех сторон вокруг него текла вода, увлекаемая за собой в овраг мусор и мелкие камушки. Он уже начал промокать, а его ботинки были полны воды. Воздух был влажным, а ветер закручивался в маленькое торнадо над его головой. Все это должно было быстро закончиться, но он знал, что сейчас опасно продолжать спускаться в расщелину и почти невозможно забраться обратно на равнину наверху.

В конце концов он согнулся, вцепившись в корни какого-то крепкого маленького кустика, и стал ждать, пока мир вокруг не закончит разваливаться на части.

Однажды, пару лет назад, он с двумя коллегами преследовал здесь человека, только не в грозу, а в снежную бурю. Саймон до сих пор помнил страх, который охватил его, когда он увидел, как преступник соскользнул с каменистого края и начал ползти вниз по крутому откосу расщелины. Он был под кокаином, смешанным с крэком, вооружен ножом мясника, а машина, которую он угнал, лежала у подножия перевернутая и вся в огне. Он должен был принять решение, будут ли они спускаться в расщелину вслед за ним.

Он содрогнулся, вспомнив об этом. Все же работа в полиции все еще возбуждала его; он по-прежнему любил погони больше всего на свете, и единственное, о чем он сожалел в связи с назначением на пост старшего инспектора, что он больше не будет в самой гуще событий, как раньше.

Он оказался прав. Теперь он проводил больше времени за рабочим столом, чем ему хотелось бы. Но как выйти из этой ситуации, было непонятно. Отказаться от повышения? Но что за карьера была бы у него потом? Его бы так и оставили обычным детективом до самой пенсии, отметив у него отсутствие амбиций и сделав из этого соответствующие выводы.

Дождь просочился в его холщовую сумку. Он перенес свой вес на другую ногу и чуть не поскользнулся, потеряв на секунду равновесие. Лучше все-таки наверх, чем вниз.

Он прошел пятьдесят ярдов или около того, согнувшись под хлещущим дождем, через бескрайние пустоши, когда рядом с ним притормозил возникший из ниоткуда мотоцикл.

Саймон не слышал, что кричал ему мотоциклист из-под своего опущенного шлема, но понял его жесты, сел у него за спиной и подтянул ноги к себе, когда вокруг них из-под колес забил фонтан грязи.

Десять минут спустя они уже были в относительной безопасности стоянки. Владелец мотоцикла поднял стекло шлема и, снова перекрикивая рев мотора, ответил на благодарность Саймона:

– Без проблем.

Он развернулся, разбрызгивая грязь и раскидывая мелкие камешки, и поехал вниз по серпантину. Саймон последовал за ним сквозь грозу, направившись в загородный дом Дирбонов в Мисторпе. Это был тот редкий случай, когда ему хотелось убежать от тишины и пустоты собственного дома.

На полпути к Кэт на его телефон пришло сообщение.

«Мама здесь. Хочет поговорить про Марту. Приедешь на обед?»

Саймон остановил машину у обочины.

– Это я. Я в Хассле. Я уже в любом случае ехал к вам.

- Ты же не попал в грозу, пока гулял в холмах?
- Попал и промок до нитки. Мне придется одолжить какую-нибудь одежду у Криса. Я чуть не упал в расщелину.
- Саймон, ты хочешь, чтобы у меня начались схватки?
- Извини, извини... Слушай, ты можешь говорить? Что там с мамой?
- Да, она наверху, читает Ханне. Приехала сюда прямо из больницы. Она хочет поговорить со всеми нами... Ну, со мной и Крисом, и еще она спросила, не могу ли я вызвать и тебя.
- Папа?
- Не уверена.
- Что случилось?
- Ничего. Я думаю, в этом и проблема.
- С ней все нормально?
- С кем, с мамой? Ну, немножко напряжена.
- Ладно... Еще что-то, о чем я должен знать?
- Сегодня жареная курица.
- Уже еду.

Он любил их загородный дом. Ему нравилось в нем все, как внутри, так и снаружи. Нравилось, как он уютно пристроился – длинный, приземистый, сложенный из серого камня – среди конюшен. Нравилось, как два толстых пони вытягивают свои склоненные головы через забор, когда он проходит мимо, нравилось, как бегают курицы. Нравился сад, который никогда не выглядел ухоженным или особо нарядным, но все же был гораздо уютнее, чем мамины призовые дизайнерские пол-акра. Ему нравился милый беспорядок крыльца, заваленного бутылочками от молока и резиновыми сапогами, нравились теплота и возня его племянника и племянницы и кот, лежащий на старом диване рядом с плитой, нравились шутки и озабоченные медицинские разговоры, которые вели его сестра и зять. Любил то счастье, которое излучало это место, запахи, и шум, и любовь, сопровождающие семейную жизнь.

Он остановился рядом с машиной своей матери. Дождь утих. Саймон постоял минуту, глядя на свет, струящийся из окон загородного дома. Откуда-то изнутри он услышал, как дети визжат от смеха.

Что, в этом была вся проблема? Он возвращался к этому вопросу уже тысячный раз со смерти Фрей. Это могла бы быть она – в таком же доме, как этот, ждать его; это могли бы быть его дети...

Он поморщился от боли. А между тем он даже не всегда мог вспомнить, как она выглядела. Они поужинали вместе. Потом они выпили у него в квартире. Это было...

Что, конкретно? Конкретно – ничего.

Легко сожалеть ни о чем.

Он прошелся по гравию и открыл дверь на крыльце. Из-за нее пахнуло жареной курицей.

– Привет.

Его сестра Кэт, с округлившимся от беременности лицом и огромным животом, вышла из кухни, чтобы встретить его. Внезапно Саймон подумал, что именно из-за этого ничего не было. Фрея не была Кэт. Никто не был Кэт. Никто никогда не сможет быть Кэт.

– Дядя Саймон, дядя Саймон, у меня есть хомяк, его зовут Рон Уизли, пойдем посмотрим!

Он решил остаться на ночь. Так что сейчас он переоделся в спортивный костюм своего зятя. Он сидел за кухонным столом рядом со своей матерью, перед ними стояли остатки яблочно-черничного пирога и вторая бутылка вина. Крис, прислонившись к столешнице, наблюдал, как процеживается кофе.

– Я хотела, чтобы вы все собрались здесь, – сказала Мэриэл Серрэйлер. Она сидела очень прямо, совершенно неподвижно. «Немножко напряжена» – так выразилась Кэт. Но напряжение было в его матери всегда, сколько Саймон ее помнил, – улыбочное, фарфоровое, причесанное напряжение.

– А что насчет папы?

– Я уже сказала тебе, он у масонов.

– Он должен быть здесь, у него есть право высказать... Все, что он хочет.

Крис Дирбон подал кофе на стол.

– Давайте поговорим об этом сейчас, – он быстрым жестом положил руку Кэт на плечо. – Все равно я более или менее знаю, что думает Ричард. Я говорил с ним в больнице.

Кэт повернулась и взглянула на него.

– Что? Ты мне об этом не говорил.

– Я знаю.

Один его голос успокоил и смягчил Кэт – Саймон это видел. Его сестре повезло. Это был счастливый брак.

– Значит, он говорил с тобой, хотя не говорил со мной, – сказала Мэриэл Серрэйлер тихо.

– Ну, конечно. Это проще, разве нет? Вы это знаете. Я заинтересованное лицо, но я не сын Ричарда и я врач. Не беспокойтесь об этом.

Мэриэл остановила на нем взгляд.

– Я не беспокоюсь, – сказала она. – Это для меня пройденный этап.

Саймон не мог ничего сказать. Он сидел за одним столом с группой специалистов-врачей. Они смотрели на это с другой точки зрения, даже несмотря на то, что человек, которого они обсуждали, был для них дочерью, сестрой, свояченицей. Их отстраненность была ему недоступна.

– Она, вероятно, умрет, – сказала Мэриэл, и в этот момент ее голос изменился, это был голос старшего медицинского консультанта, бесстрастный твердый тон сочувствующего, но незаинтересованного практикующего врача. – Она очень ослаблена этой болезнью, и речь не только о ее легких, которые просто не могут побороть пневмонию, вся ее иммунная система изношена, ее сердечные показатели плохие. Но мы думали, что она умрет еще сорок восемь часов назад... и раньше... Но этого не происходит. Настало время обсудить ее лечение.

– Кажется, они знают, что делают, – сказал Саймон. Но он понимал, что его слова не подходят; не об этом, вероятно, шла речь.

– Конечно. Вопрос в том... Сколько времени ей нужно, чтобы умереть? День? Неделя? Чем дольше они вливают в нее антибиотики, а также растворы и сальбутамол, тем дольше это будет тянуться.

– Ты хочешь, чтобы они приостановили лечение? – Кэт протянула руку и налила себе воды из графина. Ее голос был таким же усталым, как и ее вид. – Я не видела ее на этой неделе, так что мне тяжело высказывать мнение. Ты видел, Крис.

– Сложно сказать.

– Нет, – сказала Мэриэл Серрэйлер, – не сложно. На самом деле все довольно просто. Качество ее жизни было сомнительным и раньше, и в будущем его улучшения ожидать не приходится.

– Вы не можете об этом судить. Как вы вообще можете об этом судить, откуда вы знаете? – Саймон сжал кулаки, заставляя себя говорить спокойно.

– Ты не доктор.

– Какое здесь это вообще имеет значение?!

– Сай...

– У тебя нет профессионального опыта, который позволил бы тебе оценивать ее состояние.

– Нет, у меня есть только человеческий.

– И разве он не говорит тебе, что качество ее жизни на нуле? Это совершенно очевидно.

– Нет, не очевидно. Мы не знаем, что творится у нее в голове, мы не знаем, что она чувствует, что думает.

– Она не думает ничего. У нее нет способности разумно мыслить.

– Но так же не может быть.

– Почему?

Кэт разразилась слезами.

– Хватит, – сказала она. – Я не хочу это слушать, не хочу, чтобы подобного рода разговоры звучали у меня дома.

Крис поднялся и подошел к ней.

– Очевидно, в данный момент никто не способен вести рациональную дискуссию по этому поводу, – сказала Мэриэл Серрэйлер. Она встала, спокойно отнесла свою кофейную чашку к посудомоечной машине и загрузила ее туда. – С моей стороны было неразумно ожидать этого. Прошу прощения.

– Что ты собираешься делать?

Мэриэл посмотрела на своего сына.

– Я поеду домой.

– У тебя нет никакого права принимать решения касательно Марты, ты знаешь это.

– Я прекрасно знаю, какие у меня есть права, Саймон.

– Ради всего святого! – Кэт вцепилась в руку Криса, слезы текли у нее по лицу.

– Тебе пора в кровать, дорогая, – сказала ее мать.

– Не говори со мной так, я не маленький ребенок.

Мэриэл наклонилась и поцеловала Кэт в макушку.

– Нет, ты беременна. Я поговорю с тобой завтра.

Телефон зазвонил в ту секунду, когда она уже взялась за свою сумку. Крис жестом попросил взять трубку Саймона, который сидел ближе всех.

– Кто это?

– Саймон.

– Да. Твоя мать там? – Ричард Серрэйлер был как всегда краток.

– Она как раз собирается домой. Ты хочешь поговорить с ней?

– Скажи ей, Китс только что звонил из больницы Бевхэма.

– По поводу Марты? – Саймон сразу почувствовал молчаливое напряжение, повисшее в комнате за его спиной.

– Да. Она пришла в себя. Она в сознании. Я еду туда прямо сейчас.

– Я скажу им.

Саймон положил трубку и обернулся. Ему хотелось смеяться. Танцевать. Ликовать всем назло.

Он посмотрел в лицо своей сестры – залитое слезами, опухшее, с огромными глазами.

– Очевидно, Марте гораздо лучше, – мягко сказал он.

Когда он снова вошел в палату сорок минут спустя, он был один. Его мать сказала, что больше не может видеть больницу, а у Кэт просто не было сил.

– Тебе не нужно ехать туда, – сказала Мэриэл Серрэйлер. – Никому из нас не нужно. Твой отец сейчас там.

– Я хочу увидеть ее.

Он рассчитывал, что его отец уже уехал. Он не хотел столкнуться с ним у постели Марты, но когда он зашел в палату, Ричард Серрэйлер был там, сидел на стуле рядом с кроватью и читал Марте ее карту.

– Твоя мать не поехала?

Никаких приветствий – заметил Саймон. С тем же успехом он мог бы быть невидимым.

– Она приедет завтра утром.

Он опустил взгляд на свою сестру. Цвет ее лица улучшился, щеки приобрели бледный оттенок розового.

– Что случилось?

Его отец отдал ему карту.

– У нее, как выразился Девере, здоровье, как у быка. Новый антибиотик сработал, она начала выкарабкиваться... Открыла глаза час назад. Показатели обнадеживают.

– Я полагаю, ее еще может отбросить назад?

– Может. Но маловероятно. Пережив кризис, она по большому счету вернула себя к жизни.

Саймон хотел дотронуться до руки своей сестры, поцеловать ее в щеку, сделать так, чтобы она снова открыла глаза, но в присутствии своего отца он не мог. Он просто стоял рядом, опустив глаза.

– Я рад, – сказал он.

– Почему?

– Как ты можешь спрашивать? Она моя сестра. Я люблю ее. Я не хочу, чтобы она умерла.

– Твоя мать думает, что ее уровень жизни равен нулю.

– Я не согласен.

– Тогда мы снимаем шляпу перед твоими невероятными медицинскими познаниями.

– Это инстинкт.

– Полицейская работа основывается на инстинктах, не на фактах?

Саймон Серрэйлер был человеком, который никогда не был жесток по отношению к кому-либо в своей жизни, хотя никогда не стеснялся проявлять определенный уровень агрессии на работе, но сейчас он испытал такой прилив злости на своего отца, что сжал кулаки. В моменты, подобные этому, он ясно осознал, как ярость и ненависть могут у некоторых людей перерасти в жестокость. Разница между ним и ими, как он прекрасно понимал, держалась на тонкой, но невероятно прочной грани самоконтроля.

– Когда она достаточно оправится, чтобы вернуться в «Айви Лодж»? – спросил он спокойно.

Ричард Серрэйлер поднялся.

– Через пару дней. Им нужно будет подготовить ей постель.

Саймон стоял в полуметре от него. Его отец был стройным, привлекательным мужчиной, которому можно было дать шестьдесят, а не семьдесят один.

– Что ты к ней испытываешь? – спросил его Саймон, глядя на Марту. Он чувствовал внутреннее напряжение, как будто сейчас ему придется отбиваться от нападков уже за то, что у него вообще хватило духу задать этот вопрос. Но его отец взглянул на него без злости.

– Я ее отец. Я любил ее с того дня, как она родилась. Я не переставал любить ее из-за того, что всегда жалел об этом дне. Кто бы смог? А ты?

– Все, о чем ты говоришь, – сказал Саймон, – только, может быть, без сожалений.

– Тебе легко.

– Легче.

– Если ты когда-нибудь станешь родителем, чего, я полагаю, не случится, ты поймешь. Ты идешь к своей машине?

Они пошли вместе по тихим коридорам. Что имел в виду его отец, что стояло за неожиданным замечанием, которое он сделал, как он оценивал его самого – на эти вопросы Саймон не готов был сейчас ответить. Он прогнал из головы все мысли, так что там остался просто белый лист, и с трудом вращал ноги, когда они выходили из больницы к автостоянке. Подойдя

к машине своего отца, Саймон открыл для него дверь, подождал, пока он усядется и застегнет ремень, пожелал ему спокойной ночи и закрыл дверь.

Две минуты спустя он уже был на пути в Лаффертон, задних огней «БМВ» его отца почти не было видно вдали.

Он хотел вернуться в загородный дом; ему нужно было поговорить с Кэт, но она уже давно легла спать, пытаясь, насколько это возможно, отдохнуть в эти последние дни своей беременности. Он чувствовал себя отделенным от нее – от всех них; это чувство пройдет, когда родится ребенок, да и в любом случае оно было скорее иллюзорно и существовало только для него. Это случалось и раньше – когда Кэт выходила замуж за Криса и когда у нее появились Сэм и Ханна.

Он свернул в район собора. Широкая улица с полосками травы по обеим сторонам, собор, возвышающийся у него над головой, изящные здания – бледные в свете фонарей, которые горят мягче и как будто серебристее, чем яркие лампочки на столбах у больницы или на главной дороге, длинные тени, отбрасываемые деревьями... Он часто думал, что ночью все это выглядит как-то искусственно, как декорация: слишком пустынно, слишком чисто, слишком убористо.

Но сейчас пейзаж подходил к его настроению. Завтра он уже не будет на все это смотреть. Он знал, когда одиночество становилось для него опасно. Ему было необходимо вернуться к работе. Но если подобное происходило с ним за день или два до конца его официального отпуска, то все было под контролем.

Девять

Энди Гантон сошел с бордюра, и из ниоткуда выскочила машина, ударив его в бок. Он потерял равновесие и повалился в грязь. Женщина начала кричать.

«Дорожное движение, – подумал Энди, пока поднимался, – чертовы машины и автобусы, атакующие тебя со всех сторон».

Женщина продолжала кричать, и трое человек выглянули из магазинов.

– Я готова оказать первую помощь, присядьте.

Она выглядела настолько молодо, что могла бы быть ребенком Мишель.

– Со мной все хорошо, – сказал Энди. – Просто потерял равновесие.

– Возможно, вы в шоке.

– Эм, нет, не в шоке. – Он указал на женщину, которая пялилась на него и все еще кричала. – Лучше взгляните на нее. Кажется, она – да.

Отряхивая пиджак, он быстро ушел и завернул за угол. Все-таки его действительно трясло. Он помнил это место как тихую часть Лаффертона. Неужели движение настолько усилилось?

Неподалеку был паб. Он зашел внутрь.

В Лаффертоне было достаточно пабов, и многие из них он знал, но, видимо, не этот. Здесь пахло не пивом и табаком, а кофе. За барной стойкой висело длинное зеркало, и бармен, больше похожий на официанта, в черном пиджаке, вставлял в кофемашину металлические подставки под чашки.

Энди Гантон заказал пинту «Биттера».

– У нас только бутилированное, – бармен скороговоркой начал выдавать одно иностранное название за другим. Энди выбрал какое-то наудачу.

Он взял бутылку. Стакан не предложили. Он оглянулся вокруг себя. Поднес бутылку ко рту.

Никто в баре не обратил на него никакого внимания. Он пошел за пустой стол. Это было приятно. Солнце светило в окно и грело ему затылок.

Он заметил, что его руки трясутся, что дышит он слишком часто и что в ушах шумит, как будто он только что вынырнул из-под воды. Это место вселяло в него панику, как и транспорт на улице. Лаффертон, который, как ему показалось на первый взгляд, остался все тем же, на самом деле изменился; Энди спотыкался о какие-то мелочи, будто оказался в зазеркалье, где все немножко не так.

Боже. Что такое четыре года? Целая жизнь, половина его юности, но в то же время ничего, мгновение ока; он не знал, где находится и что ему делать, и с тем же успехом он мог прилететь с Марса.

У офицера по условно-досрочному были красивые ноги в короткой юбке. Длинные гладкие волосы зачесаны назад. Много макияжа на глазах. Она говорила экивоками, но он привык к этому. Все они узнавали новый язык, когда приходилось общаться с юрисконсультами, социальными работниками, офицерами и так далее. Только надзиратели говорили по-английски.

– Ваша реабилитационная программа по-настоящему начнется, только когда вы найдете себе работу, Энди. Есть дело, заниматься которым вам бы было особенно интересно?

Летчик-истребитель. Нейрохирург. Пилот «Формулы Один».

– Садоводство, – сказал он. – Я восемнадцать месяцев выращивал овощи.

– В Кингсвуде недавно открылся новый садовый центр.

– Садовый центр?

– Думаю, большинство людей все-таки сами предпочитают заниматься своим садом, разве нет? Не думаю, что вашим умениям особо найдется применение в Лаффертоне.

– Это овощеводство. Это профессия.

Перед его глазами ярко встала картина прополотых грядок ранней фасоли и молодого горошка; аккуратно выровненных и посыпанных песком рядов маленьких морковок. Он узнал, что сейчас нужно отелям и ресторанам: молодые овощи, собранные чуть раньше срока, а не волокнистые, мясистые и огромные, вызревшие до конца. Капуста размером с детский кулачок, а не с букет невесты.

Он начала перебирать бумаги в папке на своем столе. Она была старше, чем он? Ненамного.

– Вы живете со своей сестрой. Вас это устраивает?

– Вопрос скорее в том, устраивает ли это ее.

– У вас с ней хорошие отношения? С семьей?

– Нормальные.

– Что же, это звучит довольно позитивно.

– Это ровно до тех пор, пока я не найду что-нибудь. Жилье. У них трое детей.

– Вы можете внести свое имя в очередь на муниципальные квартиры.

– И сколько это займет?

– Боюсь, для неженатых их не так много.

– А где тогда должны жить неженатые? Вы бы где стали жить?

– Как я уже сказала, вам повезло, что у вас есть семья, ваша сестра, кажется, вас очень поддерживает, это хорошо. Вы не чувствуете себя исключенным...

– Откуда?

– Ваши родители... – она снова начала перебирать бумаги.

– Они умерли. Папа – когда мне было двенадцать, от рака легких, а мама через полгода после того, как я попал в Стэктон, и не говорите, что вам жаль, потому что вам не жаль, да и с чего должно быть?

Он чувствовал злость, которая, словно пена во рту, могла бы забрызгать весь этот офис с желтенькими занавесками и всю Мисс Длинные Ножи.

Он встал.

– Старайтесь быть позитивнее, Энди.

Она говорит, садовый центр. Он не особо себе представлял, как это будет выглядеть, и когда она сказала про Кингсвуд, он даже не понял, где это. Но это может быть началом. Он ждал этого два года – он не любил слов «новый» и «свежий», но сейчас задумался о них. Он не собирался возвращаться туда, откуда пришел, и не собирался идти по старой дорожке, которая его туда привела. Тем более она не так уж много ему дала по большому-то счету, хотя тогда он прикидывался, что это не так: пара головокружительных взлетов, немного адреналина, своего рода побег, хотя теперь он уже и сам был не уверен, от чего. Вероятно, от скуки. И ему нравилось быть одним из них. Спиндо. Март. Ли. Картер. Ли Джонсон. Флаппер. Они приняли его, и это было самое важное. Деньги ему тоже нравились. Все шло хорошо. Они брались за мелкие дела, потом начались большие.

Он не был готов к тому, что все пойдет наперекосяк так быстро. Тот человек шел за ним как лунатик, пока он бежал по улице; все остальные уже сидели в фургоне и кричали на него. Это человек не имел ни к чему никакого отношения. Ему нужно было оставить его в покое, нужно было забираться в фургон. Он все еще видел это – улицу, фургон впереди, мужчину, задыхающегося и вспотевшего, все еще чувствовал панику. Он слишком легко поддавался панике. Ему нужно было сохранять ясную голову; даже если бы их поймали, и мужчина идентифицировал его, он сел был только на девять месяцев или на год. Но что же он сделал

вместо того, чтобы просто забраться в фургон? Он развернулся к мужчине, подождал, пока он подойдет совсем близко, и, прицелившись ему прямо в живот, ударил его головой, как бык, и тот опрокинулся на спину, на голый бетон, и раскроил себе череп.

А сейчас он взял себе еще бутылку дорогого иностранного пива, пошел обратно к столу и заставил себя не думать об этом. Его спина ныла. Спать на надувном матрасе в углу в комнате Мэтта было неудобно, и Мэтт тоже был не в восторге. Энди не мог его винить. Никто из них не хотел, чтобы он жил там, и он знал это, но пока он не найдет себе работу, он не сможет снять себе отдельное жилье, даже комнату в общежитии; его пособие это не покроет, и пока у него есть семья, готовая его приютить, он не привлечет ничье внимание в социальных службах. Он не остался на улице – это все, что их заботило.

Я должен быть счастлив – подумал он внезапно, вливая струю пива в свою глотку. Я в пабе, я могу остаться здесь или уйти, я могу пить, что мне захочется, я могу пойти на улицу, пройтись или купить газету. У меня не было возможности делать это и все остальное почти пять лет... Я должен быть счастлив.

Три женщины зашли в бар и бросили сумки с покупками за столик рядом с ним. Они были хорошо одеты. Одна из них бросила на него взгляд. И все.

«Вы и понятия не имеете, – подумал Энди. – Кто я. Где я был. Что я сделал. Откуда вам знать?»

Последним глотком из бутылки он допил лишь пену.

Он вышел на улицу.

На другой стороне на двойной сплошной был припаркован серебристый «БМВ» с откидным верхом. В нем сидел большой человек. В тот момент, когда Энди вышел из паба, машина медленно поехала вдоль дороги, слегка приблизившись к нему, пока он шел.

– Садись, – сказал Ли Картер.

Энди продолжал идти.

Машина скользила рядом, не отставая от него. Он подумал, что это смешно – в марте ездить с открытым верхом. Светило солнце, но тепло не было.

– В чем проблема? – звук двигателя был таким тихим, что Ли едва приходилось повышать голос.

Энди свернул с центральной улицы с магазинами, в переулок. Он не знал, куда он идет.

– Побереги ноги. Прокатись с комфортом. Тут кожаные сиденья.

Просто иди. Игнорируй его. Не смотри на него. Он для тебя теперь никто. Просто иди.

Это произошло так быстро, что он ничего не успел сообразить. Машина остановилась, Ли Картер вышел из нее, обошел спереди и прижал Энди к стене.

– Я сказал садись. Я серьезно – садись.

– Я больше не сяду.

– Я хочу купить тебе выпить.

– Я уже выпил. Только что. Две порции новомодного пива в бутылках. Они теперь даже не выдают тебе стакан, ты в курсе?

Ли Картер отпустил его так же внезапно, как и схватил. Он согнулся вдвое от смеха.

Энди уставился на него и разглядел повнимательнее. Он растолстел. Растолстел и залоснился. У него была свежая стрижка. На нем были дорогие рубашка и пиджак. Он выглядел хорошо. Хорошо обеспеченным.

– Я отвезу тебя к себе, угощу тебя нормальной выпивкой.

– Как это я умудрился столкнуться с тобой?

– Никак. Я ждал тебя. Я знал, что ты живешь у Мишель.

– Кто тебе сказал? Она бы не стала.

– Конечно, не стала. У меня есть каналы получше. Ну так что, ты садишься?

- Только пока не узнаю, зачем.
- Хочу кое-что у тебя спросить.
- Ну, что же, я не заинтересован.

Ли пошел обратно к машине, но остановился, открыл дверь, достал оттуда пачку маленьких сигарок и предложил ему.

- Не курю.
- Ты всегда был паинькой, да?
- Если бы был, не оказался бы там, где оказался.

Ли поджег сигару и стал смотреть, как дым уплывает вдаль после того, как он его выдохнет.

- Слушай, это не создаст проблем, я просто хочу пообщаться.
- Ну да, старые добрые времена, все такое прочее.
- Нет. Со старыми временами покончено. Пришли новые времена.
- И что это значит?
- Я могу кое-что тебе предложить.
- Нет, спасибо.

– Легальное. Я завязал со всеми этими делами. Разве не похоже?

Энди поглядел на его кожаный пиджак и модные брюки. На сигару. Машину.

- Не особо, – сказал он.
- Пошли ко мне, в мой новый дом. Познакомишься с женой.
- Что за девушка согласилась выйти за тебя?
- Пойдем и узнаешь.

Энди не хотел больше иметь ничего общего ни с кем из них, с Ли Картером в особенности, но ему было интересно, он ничего не мог с собой поделать, он хотел увидеть дом, жену, хотя совсем не хотел слушать его предложения.

– Да чего ты в самом деле! – сказал он, захлопнув за собой водительскую дверь.

Доля секунды. «Ты никуда не едешь, Энди», – сказал он себе.

Он сел в машину.

Машина была самого высокого класса, и в ней было все. Из CD-плеера громко пел не кто иной, как Дасти Спрингфилд. Ли Картер ехал быстро и мгновенно выскочил на Фликстон-роуд. Энди не разговаривал. Его бы все равно не было слышно. Ушам было больно от ветра. Он был в ужасе, он не ездил ни на чем быстрее тюремного фургона уже очень долго.

Они вылетели из города и через пять миль свернули в Ланн Мауби, которое Энди помнил как местечко с пятью домами и газовой заправкой.

– Черт меня подери.

Это была больше не деревня, а район с особняками в тюдоровском стиле с коваными воротами и подстриженными лужайками.

Они сделали два поворота и въехали на холм. Наверху стояло всего три дома. Снова Тюдоры. Причудливые дымоходы. Сзади – большие деревья.

Ли подкатил машину к воротам и тут же нажал на кнопку рядом с рулем. Он нажал на другую кнопку, и фонтанчик посреди яркой зеленой травы пришел в движение.

– Ничего себе.

Ли довольно ухмыльнулся и остановил машину.

– Здорово? – сказал он и жестом пригласил Энди следовать за ним, пока сам самодовольно шагал к входной двери.

Через четверть часа обзорная экскурсия по дому была окончена. Везде, куда бы они ни заходили, Ли глядел на Энди, ища в его лице одобрение, восхищение или зависть. Энди все это испытывал и только слегка кивал, когда они проходили через бильярдную, спортивный зал,

бар, шли по толстым мягким коврам, мимо плазменных экранов, зеркальных гардеробных от стены до стены, оранжереи, обшитой дубовыми панелями кухни в староанглийском стиле.

Здесь они и остановились. Ли встал у открытой двери шестифутового холодильника.

– Пива?

– Нет, спасибо.

– Эспresso? У нас есть кофемашина. Линда управляет с ней лучше, чем я.

Линда так и не появилась.

– Она, видимо, пошла в спа.

– Зачем я здесь?

– Тогда чаю? Ну давай выпей чего-нибудь. – Ли захлопнул дверь гигантского холодильника и схватился за электрический чайник. – Присаживайся.

Отказаться было бы совсем по-детски.

Ли повернулся и посмотрел на него с улыбкой.

– Это легально.

– Ясно.

– Я тебе говорю. Я не дурак. Я был дураком, но теперь я не дурак. Но что ты собираешься делать, Энд? Какие у тебя планы теперь, когда ты свободный человек?

– Работать.

– Где?

В нем разыгралась гордость. Он не смог заставить себя произнести это.

– Ну вот.

Чайник начал шипеть. Ли взял две кружки с подвесной полки.

– Мне нужны люди. Всегда нужны.

– Без вариантов.

– Просто послушай, ладно?

– Нет. Откуда у тебя все это? Дом. Машина. Только не говори мне, что все это нажито непосильным трудом. Никто не может заработать столько денег за год или два честным трудом. Насколько я помню, ты был без гроша в кармане и жил через улицу от Мишель. Ты даже, черт тебя подери, не пришел на то дело. Половина срока, который я отсидел, была твоя, Картер.

– Я не бил человека головой о бетон.

– Ты...

– Ой, заткнись, Энди. Держи, – он протянул ему через стол чашку с чаем. – С этим покончено. Ты вышел, верно? – Ли отодвинул стул ногой и сел.

Энди сделал глоток горячего сладкого чая. Тюремного чая. Что бы он ни говорил, он хотел послушать. Может, и правда все это было добыто каким-то легальным путем. Он посмотрел в окно над головой Ли. Сад состоял в основном из лужайки и аккуратных оградок, с небольшим фонтанчиком для птиц, парой каменных ваз и выкрашенным в белый железным насосом. Еще тут была единственная клумба с розами, обрезанными до самого основания, которые торчали из земли, посыпанной деревянной стружкой, как гнилые зубы из продезинфицированного рта.

Он вспомнил тюремный огород. Он не хотел туда возвращаться, но он хотел наружу.

– Лошади, – сказал Ли, поймав его взгляд. – Лошади обеспечили мне все это.

Теперь Энди вспомнил. Ли всегда зависал у букмекеров, по крайней мере один всегда висел у него на телефоне. Он все уговаривал Энди сходить с ним на скачки, но ему никогда не было это особо интересно.

– Чушь собачья, – сказал он. Если он что и знал о ставках, на лошадей или на что другое, так это то, что на длинной дистанции ты проигрываешь. – Игра для лохов. – Тут точно дело в наркотиках. Точно. Он как никогда захотел выйти на свежий воздух.

– Так и есть.

Ли взялся за чайник и приподнял его. Энди покачал головой.

– Однажды утром я проснулся и буквально увидел это перед своими глазами. Большие красные буквы. «Игра для лохов». Это и есть ответ. Лохи всегда найдутся.

– Значит, ты организовал букмекерскую контору?

Ли рассмеялся.

– Слушай. Все эти годы, которые я в этом варился – десять, двенадцать лет, – когда я ставил на лошадок, иногда что-то выигрывал, иногда проигрывал, хотя в основном проигрывал, я видел, кто делает реальные деньги. Да, верно, букмекеры. Но кроме них... Аналитики, вот кто. И не эти бедолаги-одиночки, бывшие жокеи. Но лучшие из лучших. Высшая лига. Это как эксклюзивный клуб. В свое время я оставил целое состояние в этих аналитических агентствах. Они обещают тебе огромные деньги, инсайдерскую информацию, все в этом роде. Но у тебя должно быть что-то особенное, и ты должен делать больше, чем просто читать спортивные колонки, выискивая железобетонные шансы. Те, кто может предсказывать действительно крупные победы, те, которые больше никто не может предсказать – выигрыши один к десяти или один к двадцати пяти, – их услуги могут оцениваться, я не знаю... в десять, пятнадцать тысяч в год, может, больше. И это ерунда. Я играл на пятьдесят, сотни тысяч. У моих нынешних клиентов каждая ставка не меньше тысячи. Первое, что ты должен сделать, – заставить их поверить, что прорваться к тебе не так просто, что твои услуги эксклюзивны и членство ограничено. Можешь просто отшить пару человек. Без объяснения причин. Вскоре пойдут слухи, и они приползут к тебе на коленях. Так делают клубы, это даже, мать твою, с одежкой работает! Как это называется... дизайнерские вещи. Линда за полгода встала в очередь за какой-то сумочкой, которая стоит две тысячи только потому, что их сделали всего пятьдесят штук. Это полная хрень, но это престижно. Как и мои услуги.

– И как вы называетесь?

– СОС. Скачки Ограниченной Серии.

– Значит, вы находите аутсайдеров, которые выигрывают.

– Точно.

– Как?

– Есть способы.

– Допинг.

– Нет. Не теперь. Они тестируют все, что движется.

– Какие-то улучшения.

– Я уже сказал. Есть способы.

– Сколько членов в этом клубе?

– Шестьсот с небольшим.

– Ограниченная серия?

Энди еще раз окинул взглядом кухню. На верху шкафов стояли ряды ярко-оранжевых форм для запекания и соусниц. Они не выглядели так, будто их действительно кто-то использовал, чтобы готовить.

– И это все?

– Есть и другие дела. Я немного приторговываю.

Энди посмотрел на него исподлобья.

– Нет. Я никогда не занимался наркотиками, никогда не буду.

– Значит, все чисто.

– Ну, это не ограбления банков.

– Ну да.

– Мне постоянно нужны люди. А тебе не повредит небольшая помощь.

Энди встал.

– Мне нужно возвращаться. Здесь автобусы ходят?

– Вроде как. Слушай. Ты не хочешь жить с Мишель вечно, ведь правда? Тебе бы собственное жилье, верно? – Ли широким жестом указал на все, что их окружало.

– На все, что мне нужно, я заработаю.

– Я и предлагаю тебе работу.

– Я найду ее сам.

– Какую, подстригать газоны? Можешь заняться этим здесь, даю десятку в час. Столько сейчас получают садовники. Ну же, Энди.

– Кто тебе что говорил про садовника?

– Я знаю, что ты делал взаперти. Я знаю очень много всего. У меня на тебя по-прежнему кое-что есть.

– Так, ладно, если тут нет автобуса, пойду дойду до главной дороги, поймаю попутку.

Ли смахнул ключи от машины со стола в свою руку.

– По улицам ходит много сомнительных личностей, Энди, – сказал он. – Бывшему заключенному трудно найти работу.

Энди развернулся. Ли поднял палец. Он нагло улыбался.

– А я-то думал, что ты изменился, – сказал он.

У Ли Картера было смазливое личико. Кудряшки на голове. Любимчик всех мамочек. Никогда не доверяй смазливому личику. Стик Мартин сказал ему это.

И по-другому уже не будет, подумал Энди, рядом обязательно появится Картер, или кто-нибудь другой из их компании, или еще кто-то, потому что его срок тянет его вниз, как гиря. Красуется у него на лбу, как ярлык. От этого не убежать. Никогда. Он подумал о гладенькой маленькой офицерше по условно-досрочному, как она щебечет на своем птичьем языке. Неважно, что он будет или не будет делать весь остаток своей жизни, ему от этого не убежать.

Десять

Он сам смастерил футбольное поле из картонной коробки. Покрасил его в зеленый цвет и нанес разметку черным маркером, а ворота сделал из деревяшек, которые нашел в сарае. Сетки стали проблемой, но потом он нашел два маленьких белых мешочка от капсул для стирки и аккуратно закрепил их нитками. Получилось хорошо. Он был доволен. Теперь он размышлял о том, как бы ему соорудить трибуны.

– Дэвид! Уже двадцать минут!

Дэвид Ангус продолжал стоять и смотреть на коробку настолько долго, насколько смел, стараясь все себе представить, визуализировать. Он наполовину прикрыл глаза.

«А вот и Гиггс, Гиггс перехватывает мяч, Гиггс ведет его через поле...»

Толпа ревет.

– Дэвид!

Он вздохнул и взял свою школьную сумку. Он вернется к этому вечером.

– У тебя сэндвичи с ветчиной и огурцом, не забудь съесть их и еще банан, прежде чем есть пирог.

– Ты сокращаешь потребление жиров?

– Я сокращаю потребление жиров. Тебе сегодня нужны какие-нибудь деньги?

Он задумался. Вторник?

– Нет, но мне нужно принести записку по поводу экскурсии по истории.

– На столе перед тобой.

Его мать натягивала куртку. Его сестра Люси уже ушла, встретившись с двумя друзьями, чтобы вместе дойти до остановки школьного автобуса на углу Данферри-роуд. Она теперь ходила в Эбби Гранж. Дэвид был все еще в Сейнт Фрэнсисе.

– Сегодня я весь день в суде, но я вырвусь к тому времени, когда нужно будет забирать тебя из школы. Нужно купить тебе какую-нибудь обувь.

– А мы можем сходить выпить молочный коктейль у Тилли?

– Потом. Посмотрим.

Почему они всегда говорят, что мы сначала «посмотрим», даже если заранее знают, случится что-то или нет. Посмотрим, посмотрим... Это какая-то непреодолимая привычка так говорить.

– Пошли, Кузнечик.

Дэвид закинул за спину рюкзак.

Дождя не было – это все, что он заметил. Ни дождя, ни особого холода. А так утро как утро. Его мама села в машину и придержала дверь. Дэвид подошел и наклонился. Он был не против поцеловать ее здесь, у дома, тем более она сидела в машине. Он никогда не сделал бы это рядом со школой.

– Хорошего дня, Кузнечик. Увидимся вечером.

– Увидимся.

Он подождал, пока она съехала с подъездной дорожки на улицу и исчезла за углом, и побрел к воротам. Его отец ушел час назад. Он всегда ехал в госпиталь к половине восьмого. Дэвид положил сумку на землю и стал ждать, высматривая машину. Это неделя Форбсов. У Форбсов темно-синий «Ситроен Цара». Это был не лучший вариант, лучший был в неделю ди Ронко, когда за ним приезжала легковушка с тонированными окнами. Отец Ди Ронко был участником одной из самых популярных групп восьмидесятых, носил по большому кольцу на каждом пальце, а лицо у него было в татуировках. Отец Ди Ронко смешил их всю дорогу до школы и ругался неприличными словами.

Мимо него по дороге пролетали машины. На работу. В школу. На работу. В школу. На работу. В школу. Серебряный «Мондео». Белая «Ауди». Черный «Форд Фокус». Серебряный «Форд Фокус». Серебряный «Ровер 75». Красный «Поло». Грязно-зеленый «Хендай». Синий «Эспас». Бордовый «Форд Ка».

Серебристых машин было больше, чем других цветов, он уже в этом убедился.

Форбсы обычно не опаздывали. В отличие от ди Ронко. Они делали это постоянно, один раз опоздали на полчаса, и папа Ди Ронко, примчавшись к школьным дверям, стал свистеть и кричать: «Не начинайте без нас!»

Он попытался представить, как что-то подобное делает мистер Форбс, и чуть не упал от смеха.

Он все еще посмеивался, когда рядом с ним остановилась машина, он смеялся слишком сильно, чтобы осознать, что машина была не того цвета и что кто-то открыл дверь и грубо втащил его внутрь, пока колеса машины резко разворачивались на тротуаре.

Одиннадцать

В последний момент Саймон Серрэйлер развернул машину и поехал прочь из Лаффертона, преодолев около мили по объездной дороге и направившись за город. Прежде чем вернуться в участок, он сходит навестить Марту, которая снова была в своем доме призрения. Как только он вернется к активной деятельности, у него может не появиться такой возможности еще много дней, и он знал, что, даже если Марта не особо замечает его присутствие, ее сиделки точно замечают и ценят это. Слишком многих пациентов по большому счету бросили их семьи, никогда не навещали и даже не присылали открытки на Рождество и день рождения. Он слышал, что персонал говорит об этом довольно часто. Он знал, кто именно был забыт. Старый Деннис Трутон, чья жизнь началась с церебрального паралича, а заканчивалась болезнью Паркинсона. Мисс Фалконер, огромная, медлительная, с абсолютно пустыми глазами, мозгом младенца и телом дородной женщины средних лет. Стивен, который постоянно дергался и бился в конвульсиях и у которого два или три раза в неделю случались смертельно опасные приступы: ему было семнадцать, и его родители не видели его с младенчества. Саймон время от времени ретранслировал свое негодование по поводу них Кэт, но она, со своей профессиональной отстраненностью, хоть и всегда соглашалась с ним, но всегда обозначала и другую точку зрения.

Утренний трафик начал рассасываться, уже когда он сворачивал на объездную дорогу, а когда он съехал с нее и направился в сторону Харнфилда, он встретил всего несколько машин. Поля были пустыми, деревья все еще голыми. Он миновал две деревни, которые давно были заброшены и выполняли роль «спальных районов» Бевхэма и Лаффертона. Ни в той, ни в другой не было магазина или школы, в одной был паб. Совсем мало людей сейчас работали на земле или непосредственно в деревне. Харнфилд был гораздо больше, тут была и начальная, и средняя общеобразовательная школы, и даже вкрапления новой застройки. Еще здесь был бизнес-парк. Тут обитали люди. Харнфилд был не особо привлекательным местом, но тут существовало свое сообщество и своя жизнь.

Саймон свернул налево, на узкую дорогу, которая вела к «Айви Лодж».

– Я не знала, вернут ли нам ее обратно, – Ширли, нынешняя сиделка Марты, прошла вперед, провожая его по выкрашенному в жизнерадостные цвета коридору. – Она была совсем плоха.

– Я знаю. Меня вызвали из Италии.

– Но она каждый раз оправляется, мы уже должны были к этому привыкнуть. Она такая сильная, – Ширли остановилась перед открытой дверью в комнату Марты. – Что бы кто ни говорил, она, видимо, получает от жизни достаточно, чтобы двигаться дальше, понимаете?

Саймон улыбнулся. Ему нравилась Ширли с ее мягким прищуром и небольшой щелью между передними зубами. Одна или две другие сиделки производили такое впечатление, как будто всегда ждут не дождутся конца смены, и выполняли только необходимый минимум, чтобы содержать его сестру в чистоте, комфорте и сытости. Ширли говорила с ней и рассуждала о ней как о человеке, которого она знает и любит, даже несмотря на то, что иногда от нее устает. Саймон знал, что это редкость, и был ей благодарен.

Комната Марты была светлой, с ярко-желтыми стенами и белой мебелью – это была комната для ребенка; у Саймона каждый раз поднималось настроение, когда он сюда приходил.

Его сестру посадили в кровати. Ее волосы только что причесали и убрали назад, и на ее щеках снова был румянец, а в глазах – сияние. Она сидела, глядя сквозь свет, льющийся в окна, и наблюдая, как ветерок колышет легкие желто-зеленые занавески.

– Здравствуй, дорогая. Ты выглядишь гораздо лучше!

Он вошел и взял ее за руку. Она была мягкой, кожа была как шелк; даже ее кости казались мягкими, потому что ее рука лежала в его ладони совсем безвольно. – Я сразу приехал, когда мне сказали, что тебя вернули из больницы, и могу поспорить, ты рада. Все эти трубки и приборы не давали мне как следует на тебя посмотреть.

Ширли подоткнула простынку в изножье кровати Марты и закрыла дверь шкафа.

– Увидимся позже, милая, – сказала она Марте, помахала рукой и вышла.

В комнате было очень спокойно. Марта была спокойной. Она так и будет лежать здесь вот так, пока кто-нибудь не придет, чтобы перевернуть ее или чтобы помыть ее, сменить ей белье, провести с ней сеанс физиотерапии, пересадить на стул, накормить ее, поднести для нее чашку с питьем; она была зависима, словно дитя, и не способна делать даже самые простые вещи – для себя или для других.

От нее пахло мылом и свежими простынями. Ничем другим она никогда не пахла, в ее комнате никогда не было грязно или затхло. В этом смысле за ней ухаживали безупречно.

Но он постоянно спрашивал себя, было бы для нее все иначе, если бы она точно так же сидела дома, наблюдая, как члены ее семьи приходят и уходят, реагируя на бесконечные стимулы – то, как разные другие люди говорят, работают, чем-то занимаются рядом с ней, как появляются дети, дети Кэт, их друзья, животные у нее на коленях. У нее никогда не было нормальной жизни. Ему хотелось бы дать ее ей.

Марта издала слабое бормотание, наполовину стон, наполовину вздох, наполовину смех... сказать наверняка было невозможно. Ее рука двинулась.

– Что такое? Ты что-то увидела?

Опять этот слабый звук. Он посмотрел на ее лицо. На нем не отображалось решительно ничего, но он знал, что она пытается с ним коммуницировать.

Он дал ей попить из пластикового стакана, предусмотрительно выставленного на стол, она сделала глоток, но он точно не знал, было ли это то, чего она хотела.

– Маленькая Марта, – сказал он, – я так рад, что тебе лучше.

Он остался еще на двадцать минут, держал ее за руку, рассказывал о белочке, которую он увидел на елке за стоянкой. Он знал, что для нее все это не несет никакого смысла, но все-таки был уверен, что ей нравится слушать звук его голоса.

Когда он уходил, ее глаза начали закрываться. Она была как ребенок, убаюканный нежно шелестящими светлыми занавесками.

В коридоре он встретил Ширли.

– Кажется, она в порядке, – сказал он. – Она сейчас спит.

– Тогда ей недолго осталось наслаждаться сном, мы собираемся застилать ей кровать, а потом у нее запланирован массаж груди, чтобы снова не началась пневмония. Спасибо, что пришли. Полагаю, доктор Серрэйлер чуть позже тоже появится.

* * *

Белка неслась вверх по длинному стволу огромной сосны, когда он подходил к своей машине, но остановилась на полпути и взглянула на него сверху вниз своими маленькими беспокойными глазками.

Старший инспектор Серрэйлер свернул с подъездной дорожки и направился в полицейский участок Лаффертона на работу. Если разлука укрепляет чувства, то и смерть тоже. Ему не нужно было сворачивать на боковые улочки Старого города, чтобы добраться до участка, хотя по ним и можно было объехать несколько долгих светофоров, но когда он сворачивал к ним, он знал, что просто хочет проехать по улице, на которой жила Фрея Грэффхам.

Он не был влюблен в нее – по крайней мере, когда она была жива, – но он находил ее привлекательной, она его интриговала, и он получал удовольствие от ее общества. Ее чувства

к нему стали очевидны в тот вечер, когда они пошли на незапланированный ужин в его любимый итальянский ресторан, но не из того, что она говорила – для этого она была слишком осторожна, – а из того, как она смотрела на него.

Но это ни к чему не привело. Фрея Грэффхам была убита. В своем собственном доме. В доме, к которому Саймон сейчас приближался. Это был маленький городской домик в викторианском стиле, стоящий в ряду таких же домов на одной из двенадцати улиц, которые из-за своей близости с собором были прозваны Апостолами. Он не успел побывать внутри до того, как Фрею убили. У него не было о нем никаких других воспоминаний, кроме самых жутких. Входная дверь была покрашена. Раньше она была алой. Теперь – приятного голубого цвета. На окнах висели наполовину опущенные шторы. Калитки не было. Саймон остановился на другой стороне дороги. На улице никого не было. Он не понимал, что он здесь делает. Но когда он уезжал, все у него внутри как будто налилось свинцом, и весь оставшийся день был отравлен.

– Доброе утро, сержант.

Детектив Натан Коутс оглянулся через плечо и застыл вместе с двумя бумажными стаканчиками с кофе, поставленными один на другой, когда старший инспектор прошел мимо него и стал подниматься вверх по лестнице.

– Босс? Мы ждали вас только завтра.

– Планы изменились.

Дверь закачалась у Серрэйлера за спиной.

Натан аккуратно поправил стаканчики. Он улыбался. Он улыбался в девяти случаях из десяти, когда старший инспектор или кто-нибудь еще называл его «сержант». Прошло уже шесть месяцев с того момента, когда он перестал быть исполняющим обязанности и официально стал сержантом, но он до сих пор не мог привыкнуть к этому и постоянно боялся, что его дразнят. Он и рад был получить эту работу, и не рад, потому что для него это значило занять место Фреи Грэффхам.

Но старший инспектор знал, на какие именно кнопки надо нажимать.

– Ты перешел к нам с другой стороны баррикад, Натан. Ты мог бы легко пойти по пути, который выбрала половина твоих одноклассников, и сколько лет ты бы уже сейчас просидел в одной из замечательных тюрем Ее Величества, мм? Ты выбрал другую дорогу, и не говори мне, что это было легко. Что, уважают они тебя теперь? Сомневаюсь. В районе Дульчи вообще не особо любят копов, особенно если они – из своих. Сейчас ты воплощаешь в себе все, против чего должен был ополчиться, и именно такие полицейские нам и нужны. Хранители правопорядка должны быть зеркалом того общества, порядок в котором они поддерживают, а так почти никогда не бывает, и именно поэтому ты обязан остаться и двигаться вверх по карьерной лестнице. Ты молод, ты умен, ты работаешь как проклятый, и детектив Грэффхам была очень высокого о тебе мнения. Что, как ты думаешь, она бы сказала, если бы ты струхнул в последний момент?

– Это удар ниже пояса, босс.

– Иногда нужно бить и туда. Ну же, Натан, нужно принять очевидное. Это было тяжело для тебя. Это было тяжело для всех нас. Это была одна из самых страшных вещей, которые вообще могут случиться. Я никогда не думал, что мы обнаружим серийного убийцу в местечке типа Лаффертона... Наркотики, драки, изнасилования, грабежи, воровство, да что угодно – этого сколько хочешь, даже в таком милом маленьком уважаемом английском городке с собором. Но многочисленные убийства? Можно пережить стрельбу... неудачный рейд... панику... смерть полицейского. С этим мы бы справились, но не с убийством Фреи. И ты был там первым, тебе было паршивее всех, и ты винишь себя, не думай, что я не в курсе этого. Ты не должен, но все равно винишь и, видимо, никогда не перестанешь. Но ничто из этого не

является причиной, по которой тебе нужно увольняться. Скорее это причины для того, чтобы остаться. Ты меня слышишь?

Натан слышал, хотя ему и понадобилось еще несколько недель, чтобы признать это. Они с Эммой тихо поженились в часовне у собора – старший инспектор был его шафером, – и только потом он все-таки смог убедить себя остаться в органах. Это было задолго до того, как он принял предложение о повышении до сержанта. Но теперь он был сержантом, и волнение от этого, гордость, чувство достигнутого результата просыпались вместе с ним каждое утро. Серрэйлер был абсолютно прав. Никто из его окружения даже не думал идти в уголовный розыск Лаффертона, не говоря уже о том, чтобы дослужиться до сержанта. И он не для того начинал двигаться вверх, чтобы на этом останавливаться.

Он толкнул плечом вращающуюся дверь и направился дальше, в офис уголовного розыска, но когда он проходил мимо кабинета старшего инспектора, тот его окликнул. Его дверь была открыта.

– Это для меня? – Серрэйлер протянул к нему руку.

– Разумеется.

– Спасибо.

Он взял бумажный стаканчик с капучино, который Натан купил не в автомате в коридоре за углом, а в новенькой кофейне на соседней улице. Ее держала семейная пара с Кипра, и приносила прибыль она в основном благодаря полицейским.

– Констеблю Деллу придется купить себе свой.

Старший инспектор снова уселся на стул. «Это просто нелепо, – думал про себя Натан, – он выглядит младше, чем я, как раз на тот возраст, когда нужно выпускаться по ускоренной программе и начинать головокружительную карьеру, а не быть уже на самом верху». Белоснежные и более растрепанные, чем обычно, волосы Серрэйлера сияли в солнечном свете, струящемся из окна за его спиной. «Сочный инспектор», – так называла его Эмма. Фрея Грэффхам была с ней в этом солидарна, а вместе они смотрелись бы что надо. А потом, может быть...

Может быть, ничего.

– Введи меня в курс дела.

– Было даже слишком тихо.

– Даже не говори мне такого.

– Единственное, из-за чего у нас сейчас действительно болит голова, так это та банда...

Просто детишки, но ведут они себя не как дети. Я был в школе Эрика Андерсона на прошлой неделе, виделся с директором и с парой учителей. Они знают, кто это, причем полностью уверены. Они все безнадежны, большую часть времени прогуливают, но у них дома это никого не волнует. Началось все с мелких делишек, но сейчас они уже не такие мелкие. Теперь они очень организованно воруют в магазинах, отслеживают людей по пути с работы домой и крадут у них сумки, мобильные телефоны, тому подобное... А потом пошли машины. Они начали залезать в самые шикарные автомобили и угонять, но не чтобы покататься – для этого они слишком умные. Эти автомобили потом просто исчезают, как сквозь землю проваливаются. Предполагаю, что они имеют дела со злодеями гораздо крупнее.

– Сколько лет этим детям?

– Четырнадцать, пятнадцать... Последние классы школы. Аттестаты о среднем образовании они, видимо, все же получают. Ха.

– Имена?

– У меня есть несколько – но их невозможно поймать, скользкие, как угри. Многому научились у своих отсидевших братьев и отцов.

– Ладно, тогда давай нацелимся на братьев и отцов. Проверь всех, кто был за решеткой в последние три года... А лучше даже включи тех, кто до сих пор сидит. Детишки могут многому научиться и во время посещений. Получим список заключенных и будем проверять детей,

подходящих по возрасту. Я поговорю с патрульными, чтобы они выставили побольше людей в том районе... в нужное время. Хотя это все, конечно, просто заставит их переместиться куда-то еще.

– Мы предполагаем, что машины угоняли ночью – в два, три утра.

– Ладно, возьми те имена, которые тебе дал директор... Пройдись по домам, поговори с матерями, спроси, в курсе ли они, что их дети встают и уходят куда-то в три часа ночи... Или вообще не появляются дома вечером.

– Босс?

– Что, еще что-то интересное?

– В одну из ночей вломились в собор. Что-то сломали, но ничего не взяли... Какие-то странные граффити на паре колонн. Похоже на что-то религиозное.

– Кто-то это проверил?

– Я ходил поговорить с Дином... Он был очень мил. Но как-то слишком мил...

– А, всепрощение, да?

Натан прицелился своим стаканчиком в мусорную корзину, кинул его, но промахнулся.

– Если больше от меня ничего не требуется, я займусь этой бандой детишек. Они как будто хотят оказаться на самом дне побыстрее. Это действует мне на нервы. Им дали все, и что они с этим делают?

– Все, кроме достойного воспитания.

– Ну, да. Спасибо, босс. Вы, кстати, хорошо отдохнули?

– Очень спокойно. Но пришлось вернуться пораньше... Один из членов моей семьи попал в больницу.

– О, очень жаль... Все нормально?

– Да. Это была моя сестра, но с ней все хорошо.

Натан Коутс вышел, закрыл дверь, а Саймон продолжил сидеть, думая о желто-белой комнате с занавесками, колышимами ветром, и о Марте, сидящей в ней и издающей свои странные тихие звуки. Он вполне мог разозлиться из-за того, что ему пришлось прервать свой отпуск, но никакие такие чувства его не посещали.

Он опустил глаза на папки и документы на своем столе. Мелкие преступления. Банды подростков. Торговля наркотиками в подворотнях. Грабежи. Автомобильные кражи. Иногда – мошенничества и хищения. Именно в этом и состояла рутинная работа уголовного розыска. Год, когда в Лаффертоне обнаружился серийный убийца-психопат, был редкостью – он стал бы редкостью для любого полицейского участка в стране. Он продолжил смотреть на папки, не прикасаясь к ним. Он любил свою работу, но то, что сейчас было перед ним – рутинные задачи, которые поглощали большую часть его времени, – не могло полностью занять его. Он понимал, что не может оставаться в относительной тиши своего родного города, если не хочет порастить мхом, но его жизнь в Лаффертоне, не связанная с работой, была всем, чего он хотел. Он существовал не только ради уголовного розыска. Отчасти он был художником, отчасти – братом, дядей, сыном. Именно в таком порядке.

Если он пойдет на повышение в столичную полицию, сколько он потеряет? И не будет ли в крупном отделении столько же работы с незначительными преступлениями и с документами? Наверное, даже больше. Думать, что повышение до начальника в каком-нибудь большом городе означает нескончаемый поток захватывающих событий, сложных дел, связанных с убийствами и впечатляющими расследованиями, было бы глупо, и он знал это.

Лаффертон на самом деле давал ему очень многое. И если на следующие два часа он зароется в документах и отчетах, то потом сможет поехать с Натаном в старшую школу Сэра Эрика Андерсона и затем поехать по районам, где живут проблемные дети. Помимо всего прочего, он поймет, что там происходит. Это была вотчина Натана, та неблагополучная среда,

из которой он с таким трудом выбрался. Если кто и знал, из-за чего появляются подобные подростковые банды, так это сержант Натан Коутс.

Он открыл верхнюю папку и начал читать.

Дэвид

Что вы делаете? Где мистер Форбс?.. Должен быть мистер Форбс. Я вас не знаю. Я не хочу быть в этой машине.

Пожалуйста, не могли бы вы остановиться и выпустить меня прямо сейчас, пожалуйста?

Никто мне не сказал, что будет кто-то другой. Мы едем ко мне в школу?

Эта дорога не ведет ко мне в школу. Я хожу в Сейнт Фрэнсис.

Куда мы едем?

Я не знаю вас. Я не хочу быть в этой машине.

Пожалуйста, можем мы остановиться прямо сейчас? Я не хочу ехать с вами.

Почему вы не разговариваете? Почему вы ничего не говорите?

Кто-то наверняка видел вас на моей улице, всегда кто-то смотрит в окно или прогуливается, они поймут, что это не та машина, в которую мне надо было. Они скоро скажут моему отцу.

Вы не должны так ехать, это очень быстро. Мне не нравится ехать так быстро. Пожалуйста, не могли бы вы остановить свою машину прямо сейчас. Я дойду обратно сам, все нормально.

Зачем вы затащили меня к себе в машину?

Когда мы остановимся на светофоре, я просто выйду.

Мы совсем не рядом с моей школой. Я не понимаю, где мы. Куда вы везете меня? Пожалуйста, можем мы остановиться? Пожалуйста, не увозите меня еще дальше.

Зачем вы хотите, чтобы я ехал с вами?

Почему вы ничего мне не говорите?

Почему мы едем в ту сторону? Мне туда не разрешают.

Пожалуйста, можем мы остановиться? Я никому не скажу, я могу сказать, что забыл, что это должен был быть мистер Форбс, или что я убежал... Да, вот, если хотите, я мог бы сказать, что я убежал. И тогда только у меня будут неприятности. У вас неприятностей не будет. Я о вас ничего не скажу. Я в любом случае не могу, ну правда, я не знаю вашего имени, и я не буду говорить про машину. Они ведь ничего не узнают. Почему бы вам так не сделать?

Пожалуйста.

Пожалуйста, сделайте так. Я не хочу с вами ехать.

Пожалуйста. Мне не нравится ехать с вами в этой машине.

Пожалуйста.

Пожалуйста.

Двенадцать

Откуда это? «Весна никогда не была столь весенней, цветы еще так никогда не цвели». И кто это сказал?

Карин МакКафферти вышла на стоянку Бевхэмской центральной больницы и посмотрела в серое, как крылья чайки, небо – волшебное и мягкое – и почувствовала, как прохладный ветер с востока нежно коснулся ее лица. Рядом со своей машиной она заметила маленькое голое деревце и небольшую низенькую живую ограду из боярышника. Она с изумлением всмотрелась в текстуру коры дерева и в разнообразие ее цветов. Столько оттенков коричневого и угольного, серебристого и мшисто-зеленого. Боярышник был словно филигранно нарисован карандашом.

Десять минут назад она сидела с пересохшим горлом перед своим приятным рыжеволосым онкологом из Ирландии и ждала, пока та зачитывала записи и отчеты, лежавшие перед ней на столе, а потом подняла глаза, аккуратно сложила бумаги и закрыла папку. И улыбнулась.

– Вы здоровы, Карин, – сказала она. – Чисты, как стеклышко. Новых раковых клеток нет, и от старых ничего не осталось.

Она никогда не привыкнет к этому, никогда не примет эти слова как должное и не перестанет вспоминать это чувство, будто мир засиял во всем своем великолепии, когда она вышла из здания больницы навстречу дневному свету и свежему ветру. Но она и не будет злорадствовать, напоминать своему доктору, что отказалась от ортодоксального лечения в пользу естественной терапии. У них был всего один короткий ожесточенный спор, Карин тогда не отступила ни на шаг, онколог в ответ высказалась крайне резко, но потом согласилась наблюдать ее и следить за ее прогрессом. В ответ Карин согласилась, что, если рак вернется, она снова серьезно рассмотрит традиционные варианты лечения. Но пока он не вернулся.

Следовать своему собственному режиму альтернативного лечения было не самым легким выбором. Это съедало ее время и деньги и заставляло чувствовать себя очень одиноко, и для Карин стало страшным ударом, когда иглотерапевт, который лечил ее, оказался психопатом и серийным убийцей. Но сейчас, когда она смотрела на воробья, скачущего в пыли, восхищаясь каплями дождя на его крылышках и блеском в его глазах, все ужасы прошлого года отступали, оставаясь где-то в другой жизни. Она была здорова. Ей не нужно будет посещать больницу еще полгода. Она здорова!

– Деннис Поттер, – сказала она вслух. Ей нравился «Поющий детектив». Деннису Поттеру не повезло. Рак убил его, но не раньше, чем он успел воспеть красоту того, что, как он знал, было его последней весной. «Никогда цветы не были цветистее».

Карин набрала на своем телефоне номер Кэт Дирбон, но попала на автоответчик. Она написала ей короткое и радостное сообщение и поехала домой под музыку Эвы Кэссиди, которая тронула ее до слез. Эву Кэссиди тоже унес в смертную тьму рак, который Карин удалось одолеть.

«Где-то, за радугой...»

Карин притормозила на перекрестке, давая водителю грузовика повернуть перед ней.

Машина Майка стояла на подъездной дорожке. Но Майк должен был быть в Ирландии по работе, и она не ждала его раньше, чем через пару дней.

Карин, напевая, вошла в дом.

– Майк? Ты где?

Его голос донесся откуда-то сверху.

– Здесь.

Она взбежала по лестнице. Она любила свой дом. Ей нравились белые изогнутые перила и лазурная ваза, стоявшая на окне у лестницы. Ей нравился кусочек света, который падал из открытой двери спальни на коврик в восточном стиле. И нравился слабый цитрусовый запах, исходивший из полуоткрытой двери в ванную.

– Привет. У меня хорошие новости... Лучше некуда.

Она прошла внутрь, и ее напев превратился в настоящую песню, когда она шагнула к Майку, чтобы обнять его. Он стоял рядом со шкафом и двумя раскрытыми чемоданами – одним на кровати, другим на полу.

– Эй... Что это? Выглядит так, будто пакуешь вещи. А не сортируешь грязное белье.

– Да.

– Ты что, снова уезжаешь? Вот так сразу?

– Да.

Он стоял к ней спиной и перебирал галстуки на вешалке, взял один, снял его, перешел к другому.

– Куда на этот раз?

Он не ответил.

– Майк? И ты слышал – я тебе сказала – у меня хорошие новости...

Тишина. Он так к ней и не повернулся. Неподвижность и тишина, повисшие в комнате, заставили все внутри Карин перевернуться.

– Что не так?

В конце концов он медленно повернулся, но не к ней, а к чемодану, в который сложил рубашку. Затем он выпрямился. Большой человек. Седеющие волосы цвета соломы. Большой нос. Симпатичный, – подумала она, – все еще симпатичный.

– Я думал, что ты вернешься позже. Я думал, что ты, скорее всего, заедешь к Кэт.

– И? В смысле – да, я бы, наверное, так и сделала, только у нее телефон был на автоответчике, она, наверное, отдыхает. У нее ребенок родится в любую минуту.

– Я забыл.

– А какая разница, когда я вернулась?

Он позвенел монетками в кармане, все еще не глядя на нее.

Потом он сказал:

– Ты не могла бы заварить чай?

– Хорошо.

– Мне нужно с тобой поговорить.

А потом – снова тишина. Чудовищная, оглушительная тишина.

Она выбежала из спальни.

Был уже восьмой час, когда она снова позвонила Кэт после того, как Майк ушел. Карин чувствовала себя такой же убитой, раздавленной и шокированной, как если бы ей сказали, что ее рак вернулся, причем в тяжелой, неоперабельной форме. Ей было так больно, как никогда в жизни. Сказано было совсем мало, учитывая то, что прошло целых три часа перед тем, как Майк распрощался с ней и с их браком, чтобы полететь через Атлантику к женщине, которая была на десять лет старше ее. Они сидели и смотрели друг на друга, потом не смотрели, пили чай, потом виски; она что-то сказала, поплакала, перестала плакать, помолчала. А потом он ушел. Как это могло занять так много времени?

– Кэт Дирбон.

– Кэт...

– Карин... Какие новости?

Карин открыла рот, чтобы ответить, чтобы сказать, что у нее нет ни рака, ни мужа, но из ее рта вышли не слова, а только странный вой, ужасающий звук, который, как подумала,

услышав его, Карин, издавал кто-то другой, какая-то женщина, которая не имеет с ней ничего общего, женщина, которую она не знает.

– Просто приезжай сюда, – сказала Кэт, – что бы ни случилось.

– Я не могу...

– Нет, ты можешь, просто садись в машину и приезжай. Увидимся через полчаса.

Непонятно, как, но она без происшествий добралась до загородного дома Дирбонов. Кэт пристально на нее посмотрела, а потом пошла к холодильнику и достала оттуда бутылку вина.

– Я пас, но тебе это явно нужно.

– Нет, я тогда разреюсь.

– Ладно. Ревии, – она передала ей огромный бокал. – Дети наверху, Крис еще не вернулся, но уже готов куриный пирог, и ты можешь остаться. Кто знает, у меня могут ночью начаться схватки, я оставлю тебя за главную, и тогда помоги тебе бог. Пойдем в гостиную, я разожгу огонь.

Кэт выглядела усталой и замученной, но в остальном все такой же – разумной, веселой, уверенной: идеальный друг, как всегда считала Карин, и идеальный врач.

– Так... Ты виделась с доктором. Что там?

– Нет. Дело не в этом. Никаких признаков рака.

– Но что...

– Майк ушел.

– Ушел в смысле – ушел от тебя?

– Да.

– Ты никогда ничего такого не говорила, я и не знала, что между вами двоими были какие-то проблемы.

– Господи, Кэт, ты думаешь, я знала? Я была на таком подъеме... Ты не представляешь, каково это... Когда твои снимки чистые, когда анализы крови в порядке, когда они тебе об этом говорят... Это как... Ну, это буквально как узнать, что ты оправдан, сидя в камере смертников. Мир был так прекрасен... И вот – он пакует свои вещи.

– Ты ему сказала?

– О результатах? О, конечно.

– И?

– Я не знаю, понял ли он. Он сказал – «хорошо».

– Но почему он уходит, ради всего святого?

– По многим причинам, из-за многих вещей, о которых я не знала. Но основная причина живет в Нью-Йорке, и ее зовут Лэйни. Ей пятьдесят четыре.

– Не могу в это поверить.

– Ну да.

– И вот это ждало тебя дома.

– Ага.

Карин медленно крутила стакан в руках, туда и обратно. Иногда он ловил отблески огня и вино горело красным.

Она чувствовала тепло. Тепло. Комфорт. Заботу. Оцепенение.

– Есть одна вещь, о которой тебе действительно стоит подумать... У тебя было два сильных шока... Убийства и теперь это. Эти вещи могут не пройти даром.

– Вернуть мой рак, ты хочешь сказать.

– Просто имей в виду. Продолжай свою терапию и будь бдительна. Извини, что я продолжаю гнуть медицинскую линию, сейчас неподходящее время, но это важно.

– Я не уверена, что меня теперь это волнует.

– Уж поверь, да. Еще как волнует. Не позволяй никакой сволочи утянуть тебя на дно. Он вернется.

– Или другой «он».

– Нет.

– Худшее, что он сказал, на самом деле было об этом. Он сказал, что больше не может жить с человеком с раком... Что он готов был принять любую болезнь, которая на меня обрушилась бы, любую реабилитацию, но болезнь, что полностью изменила меня, – совсем другое дело. Он сказал, что последний год я не думала ни о чем, кроме рака, ни на что больше не обращала внимания... Что я... Что я позволила болезни определять меня, и что теперь я не представляю свою жизнь без нее, и он не может принять это.

– Боже.

– Я этого не видела, Кэт. Это моя...

– Только не смей говорить, что это твоя вина.

– А что, нет?

– А женщина в Нью-Йорке? Полагаю, это тоже твоя вина, да?

– Она заставляет его чувствовать себя живым. Нью-Йорк заставляет его чувствовать себя живым. По всей видимости. Я и понятия не имела, что между нами что-то было не так. Я к тому, что... все было так. Мне ничего такого и в голову не приходило.

– Ничего необычного? Телефонные звонки... Серьезные траты... Слишком долгое отсутствие?

– Майк всегда подолгу отсутствовал, у него три бизнеса за границей, так ведь? Он проводит половину своего времени на телефоне, когда никуда не уезжает.

Сквозь задернутые шторы на секунду сверкнули фары. К дому подъехала машина Криса Дирбона.

– Что мне делать, Кэт? Что люди обычно делают?

– Они сражаются, – сказала Кэт. – Твоя жизнь стоила того, чтобы за нее сражаться, так ведь?

– Я всегда так ненавидела эти образы... Рак и война, рак и сражения, битвы, драки...

– Ну, есть альтернатива.

– Какая?

– Сдаться. Отступить... Называй как хочешь.

– О боже.

Кэт тяжело поднялась со стула.

– Ты спишь в голубой комнате. Я достала для тебя белье... Пойди прими ванну, зажги ароматические свечи. Ужин не раньше, чем через полчаса. Мне нужно обсудить с Крисом всякие скучные административные штуки по поводу заменяющего врача.

Она протянула руки и обняла ее, и на секунду Карин почувствовала своим телом тельце нерожденного ребенка. Давнее, настойчивое желание иметь детей, которое она всегда отодвигала на задворки своего сознания, сейчас резануло ее особенно остро.

* * *

Выражение лица Криса в тот момент, когда Кэт вошла на кухню, заставило ее резко остановиться.

– Что случилось?

– Ты знаешь Алана Ангуса?

– Неврология. Конечно... А что?

– Его сын из Сейнт Фрэнсиса... На год старше Сэма.

– Немного мал для своего возраста? Чуть-чуть... Ну, такой старомодный ребенок?

– Он пропал.

– Что ты имеешь в виду?

– Его подвозили в школу две другие семьи, меняясь по расписанию... Мэрилин Ангус оставила Дэвида у калитки этим утром, как обычно, ждать, пока его заберут... Они должны были приехать через пару минут. И вот когда эти люди приехали, Дэвида у ворот уже не было... Один из детей подошел к дому и позвонил в дверь, но никто не ответил, так что они просто уехали. Подумали, что он мог, например, поехать со своими родителями, а они просто забыли позвонить и предупредить. Но Дэвид не пришел в школу. Они пометили его как отсутствующего и, разумеется, не придавали этому никакого значения вплоть до четырех часов, когда его мать приехала забрать его, а он не вышел. Никто его не видел с восьми утра.

– О боже мой.

Ноги у Кэт подкосились, и она быстро присела на диван. Ее глаза наполнились слезами.

– Как ты узнал?

– Только что, по местному радио, – он сел. – Это не Сэм, – тихо сказал он. – Это ужасно, и все слишком похоже, но это не Сэм. Кстати. Мне показалось, что я видел машину Карин снаружи.

– Так и есть. Она в ванной. Майк ушел от нее.

Крис тяжело вздохнул.

– Он не мог больше жить с раковой больной и нашел утешение с кем-то по имени Лэйни в Нью-Йорке. Думаю, это еще не все, но она пока мне не рассказала. О, а ее снимки чистые – у нее сегодня была трехмесячная проверка.

Они посидели в тишине, Крис положил ладони на живот Кэт. Вверху ванна начала заполняться водой. Ребенок Кэт пошевелил конечностями, задев нерв у нее в боку, но она не шелохнулась. Она внезапно почувствовала, что ее совсем сбила с ног эта лавина событий и лишили сил долгие беспокойные ночи. Она устала и просто сидела, прислонившись к Крису, на теплой кухне, а рядом с ней тихо урчал рыжий кот. А потом она открыла глаза.

– Крис? Пойди наверх, проверь Сэма... и Ханну.

Крис Дирбон поднялся и вышел с кухни, не сказав ни слова.

Тринадцать

– Ничего не напоминает?

Натан Коутс стоял у окна кабинета старшего инспектора, глядя вниз на разъезжающую прессу, – фургончики телевизионщиков и машины радио разлетались в разные стороны, чтобы успеть к следующему блоку новостей.

Серрэйлер хотел, чтобы пресса с самого начала оказалась на их стороне, поэтому организовал брифинг и ответил на все обычные вопросы. А теперь он смотрел на карту Лаффертона и окрестностей, закрепленную на дальней стене его офиса, и ничего не отвечал.

– Пропавшие люди. Тогда тоже все так начиналось. Отвратно. Лучше дайте мне как следует взяться за тех ребят из Дульчи.

Серрэйлер развернулся.

– Ты здесь не для того, чтобы делать, что тебе хочется, а для того, чтобы делать свою работу.

– Босс.

– Детки из Дульчи могут подождать. А вот мы – нет, – сказал он, хватая свой пиджак.

Натан последовал за ним, почти бегом, чтобы поспеть за ним по коридору, а потом перепрыгивая через две ступеньки по лестнице.

– Куда сначала, босс?

– Соррел Драйв. Поговорим с родителями. Криминалисты начнут с дома, а ты знаешь, что это означает.

– Ну да, ты сообщаем о том, что твой девятилетний сын пропал, и через минуту твой дом уже полон людей в белых защитных костюмах, ковыряющихся в твоём ковре.

– Ну, мы знаем, что отец был на своей смене в больнице еще до восьми. Мать была последней, кто видел ребенка, когда оставляла его у калитки, и была в своем офисе к половине девятого. Им не о чем волноваться.

Они сели в машину.

– Это не похоже на тот случай с пропавшими людьми... Ну да, те женщины тогда как будто бы растворились в воздухе, и с мальчиком произошло то же самое, но в этот раз можно сразу исключить целую кучу вариантов произошедшего.

– Взрослые женщины могут исчезать по собственному желанию. Девятилетние мальчики – нет.

– Ну, такое случается, особенно если над ними издеваются. Моя бабушка винит во всем двигатели внутреннего сгорания.

– В каком-то смысле она права. Быстрые машины, скоростные дороги, множество простых способов ездить туда и обратно... Группа людей, живущих в Лидсе, может осуществить серию грабежей в Девоне, педофилы на рекламных грузовиках увозят детей из Кента в Дамфрис... С чего вообще начинать?

– Мы сейчас говорим о наших коллегах?

– Да... С пропавшими детьми это всегда один из приоритетов.

– Тогда, может быть, вы бы хотели привлечь Салли?

Салли Кернс была одним из самых опытных детективов в полиции Лаффертона, женой сержанта из дорожной полиции и матерью четверых подростков, и была полностью удовлетворена своей должностью констебля. Это была их козырная карта, когда дело касалось семей и детей.

– Салли великолепна и очень внимательна... Но она мать. Это дело обещает быть весьма сложным и неприятным. Салли с этим справится, конечно, но нам лучше оставаться настолько

отстраненными, насколько это возможно, и ни у тебя, ни у меня нет детей – конечно, у меня есть племянники, а у тебя младшие братья, и упаси нас бог быть жестокосердными или равнодушными, но то, что мы не родители, позволяет нам сохранять определенную дистанцию. А она нам понадобится.

Если бы Натан немножко подумал перед тем, как задать следующий вопрос, он бы, наверное, промолчал, но осмотрительность никогда не была его сильной стороной.

– Вы думаете, у вас когда-нибудь будут дети?

Когда он потом рассказывал об этом моменте Эмме, он сказал, что на секунду ему показалось, что рядом с его головой пролетело лезвие.

Но Серрэйлер сказал только – «Откуда мне знать?» – и они свернули на другую улицу и поехали к дому Ангусов, оклеенному яркой, дрожащей на ветру полицейской лентой. Люди в белых костюмах были повсюду.

«Каково это?» – подумалось Натану, когда они входили в просторную прихожую дома и увидели широкую витую лестницу и какие-то пейзажи, которые он счел весьма средненькими, на бледных зеленых стенах. Как это – вот так вот однажды утром выйти на улицу, и все просто отлично, а потом, вечером – оп! – и твоего ребенка нет, просто... нет? Господи.

Ему стоило только взглянуть в лицо Мэрилин Ангус, чтобы понять, каково это. Вся боль мира отражалась на нем. Она выглядела отчаявшейся и была не просто бледной, а жуткого воскового цвета, с коричневыми подтеками и припухлостями под глазами, взгляд которых Натан никогда не смог бы забыть.

Патрульный полицейский, который сидел рядом с женщиной, ушел сразу по сигналу Серрэйлера, и старший инспектор подошел к ней сам. Он не пожал ей руку, но на несколько мгновений положил ладонь ей на плечо, перед тем как сесть.

– Говорить, что мы сочувствуем, сейчас не имеет смысла, но я надеюсь, что вы знаете, как мы к вам относимся, и в этот момент сказать вам, что мы перевернем небо и землю, чтобы вернуть вашего сына как можно скорее, смысл имеет. Я серьезно.

Натан посмотрел на своего старшего инспектора. Вот что его выделяло – его железобетонная уверенность, его прямота, то, что и когда он говорил, то, как он говорил правду. Вот почему он последовал бы за Серрэйлером куда угодно и надеялся, что сможет стать хотя бы вполнину настолько же хорошим полицейским, как он.

– Я так полагаю, я вам что-то должна...

Серрэйлер прервал ее движением руки.

– Миссис Ангус, вы знаете, как все это работает, мне вам объяснять не надо. Вы знаете, что я обязан задать вам много вопросов, которые вам уже задавали, и что это будет неприятно, и что вы смущены и запутаны. Но все, что вы нам скажете, может оказаться полезным. У меня была беседа с патрульными, которые говорили с вами с самого начала, но некоторые вещи я должен услышать сам. Не беспокойтесь, если вы вспомните что-то, что тогда забыли, или будете противоречить тому, что сказали ранее, такое случается, когда люди находятся в стрессовой ситуации.

– Спасибо... Это утро – словно видеоролик, снова и снова прокручивается у меня в голове. Что он сказал, что я сказала, как он выглядел... Все, что произошло накануне вечером. Его лицо. Я просто вижу перед собой лицо Дэвида.

– Да. И я приложу максимум усилий к тому, что вы увидите его снова, такого же как раньше, и что ему не будет причинен никакой вред.

– Уже был. Разве к этому моменту ему уже не был причинен вред?

Мэрилин Ангус поднялась, встала у каминной полки и начала поправлять маленькие золотые часы, поворачивая их из стороны в сторону.

– Я хочу спросить у вас, как у Дэвида со школой.

– Он обожает Сейнт Фрэнсис.

– Хорошо. У него есть там какие-то особо близкие друзья?

– Ребята, с которыми он вместе ездит... У них что-то типа банды... Ну, не в плохом смысле «банды», просто... они всегда вместе. Каспар ди Ронко... Джонатан Форбс... Артур Маклин... Нед Кларк-Холл...

– Они ссорились?

– Они всегда ссорятся... мальчишки постоянно это делают... У них вечная возня и драки между собой, но все всегда заканчивается миром. Они терпеть не могут долгих ссор, затяжные обиды не про них.

– Есть кто-то, с кем он не ладит?

– Если вы о том, обижают ли его кто-то, то я тоже думала об этом, но ответ – нет. Школа очень жестко реагирует при первых же признаках подобного... У них были серьезные проблемы пару лет назад, и они совсем не хотят, чтобы они повторялись. Я уверена, что ничего в этом духе там не происходит. Дэвид популярный мальчонка, очень веселый... Был...

– И остается, – твердо сказал Серрэйлер, глядя прямо ей в лицо.

– Господи, надеюсь, вы правы.

– Он сообразительный?

– О да. И это не просто слова самодовольной мамы. Я не из тех, кто считает, что мои утятки обязательно должны быть лебедями. Наша дочь Люси не особо блещет в академическом плане. Но Дэвид сообразительный не в самом очевидном смысле... Он много размышляет, что-то придумывает, мастерит, разбирается во всем сам, вникает в предмет... Последнее, что его заинтересовало, были Помпеи. Он прочел все, что смог найти про них. Он любит проводить время в одиночестве. Ну и, конечно, любит футбол.

– Он болеет за какую-то конкретную команду? – первый раз за все время подал голос Натан. Она посмотрела на него так, будто забыла, что он вообще тут.

– «Манчестер Юнайтед». Они все прикидываются, что болеют за ту или иную большую команду... «Челси», «Тоттенхэм».

– Прикидываются?

– Они же просто маленькие мальчики... Это же немного поза, разве нет? Что они там могут понимать?

Разговор продолжился, Серрэйлер мягко провел мать по теме поведения сына дома, крайне тактично, но с хирургической точностью вскрыл подробности семейных отношений, со всей внимательностью пытаясь отыскать какие-то мельчайшие признаки напряжения и неблагополучия. Она отвечала без задержек, двигаясь по комнате, прикасаясь к предметам мебели, трогая вещи и переставляя их, периодически запуская пальцы в свои короткие кудрявые волосы. Они пробыли с ней почти час, прежде чем старший инспектор поднялся со своего места.

– С вами будет человек, семейный полицейский психолог, вам об этом, наверное, уже сообщили. Он будет с вами на связи постоянно.

– Моему мужу пришлось поехать в больницу... У пациента, которого он оперировал, появились какие-то осложнения... Больше с этим никому не справиться.

– Понятно.

– Вы не подумайте... Не стоит видеть в этом...

– Я и не собирался.

Когда они ушли, приехал Крис Дирбон.

– Я их лечащий врач. Хочу их проведать.

– Она в порядке... Выглядит разбитой, но явно держит себя в руках. Ему пришлось поехать в больницу.

Крис пожал плечами.

– Он там нужен... Он лучший нейрохирург в округе. Есть какие-то мысли, Сай?

- Нет, слишком рано. С Кэт все хорошо?
- Это ее расстроило... Она теперь расклеивается по любому поводу. Позвони ей.

- Куда теперь? – спросил Натан, когда Саймон сел в машину.
- Не знаю. Давай сначала просто уберемся отсюда... Езжай в сторону Старли.
- Там что-то есть?
- Не думаю.

Натан понял, что задавать вопросы больше не стоит, выехал из Лаффертона и покатил дальше по загородным дорогам. День был мрачный, небо выглядело безжизненным и уныло-серым, деревья гнулись под холодным ветром. Серрэйлер сидел молча, а потом внезапно выпрямился и сказал:

- Сворачивай прямо сюда и езжай по дороге на Блиссингтон.

Натан так и сделал. Дороги были пустые, улицы сужались под нависающими кронами деревьев, и в конце концов они приехали в поселок, представлявший собой лишь горстку коттеджей и пару больших особняков, спрятанных за высокими заборами.

- Они остановились у паба, перед которым на треугольнике газона рос огромный вяз.
- Я и не знал, что тут есть поселок, – сказал Натан.

В баре было тепло и хорошо пахло. Они заказали домашние рулетики из ветчины и кофе.

- Что нам известно? – сказал Саймон Серрэйлер, когда они устроились за столом у окна.
- Так: мальчик и его мать вышли из дома приблизительно в десять минут девятого.

Шаг за шагом они прошлись по немногочисленным установленным фактам и проговорили их еще раз, в свете того, что им сказала Мэрилин Ангус.

– Ничего, – сказал наконец Саймон. – Нормальный маленький мальчик, нормальная семья, никаких конфликтов, никаких проблем. Ничего.

- И?

– Худший сценарий? Случайный водитель, которому нужен ребенок? Когда мы вернемся, я хочу знать все, как обычно – проверь все случаи исчезновения детей в стране, каких педофилов недавно выпустили на свободу, все. Патрульные разузнают все о местных, которые обычно ездят на работу по этой дороге, обо всех соседях, о любых странных происшествиях неподалеку... Если бы ты был педофилом в поисках ребенка, что бы ты сделал?

– То же, что и этот... Выбрал подходящее время дня, когда все идут в школу или оттуда домой, когда вокруг много детей.

– Да, но большинство из них ходят до автобуса компаниями или садятся в машины на глазах у кучи людей... Это ведь час пик.

- Значит, провел бы подготовительную работу. Разведал обстановку.

– Хорошо, тогда ты бы точно узнал, по каким улицам дети обычно ходят одни. Или ждут одни.

- Вы думаете, это было тщательно спланировано?

– Может быть, – Саймон Серрэйлер допил свое пиво. – Мать. Она не сказала того, чего можно было бы ожидать. Не винила себя в том, что оставила его дожидаться машину одного.

- Значит, она так делает всегда?

– Во всяком случае, достаточно часто... Она сказала, что была в суде тем утром, так что, наверное, в те дни, когда она должна быть в суде и не ее очередь подвозить ребят, она обычно оставляет Дэвида ждать у калитки.

- В девять лет?

– Ну... В это время светло, мимо постоянно проезжают машины, подвозят его регулярно, причем люди, которым можно доверять... Мне не кажется, что мы должны винить ее за это.

- Кто-то просто знал, когда... В какое время, в каком месте.

– Или, может, мы на ложном пути. Я бы хотел с тобой это выяснить сейчас, потому что когда мы вернемся в участок – и до тех пор, пока Дэвид не найдется, – на нас будут спускать всех собак. Подключится национальное телевидение и пресса, посыплются звонки. Передай мне еще рулетик, пожалуйста. И сам поешь, пока есть такая возможность.

По пути к машине Саймон остановился, чтобы взглянуть на скамейку под старым вязом. «В память об Арчи и Мэй Дормер. Они любили сидеть здесь».

– Так спокойно. Привезу сюда Эм в следующий раз, когда будем кататься на велосипедах. Она бы хотела жить в таком месте, как это. В своих мечтах.

– Никогда не знаешь наверняка... Присмотрись к коттеджам... Что-то в духе тех, в дальнейшем ряду.

– У Арчи и Мэри был такой. Тогда люди могли себе это позволить. У нас нет шансов, он будет стоить минимум двести тысяч.

– А ты продолжай искать... Никогда не знаешь. Ну же, Натан, куда делась твоя бодрость духа?

– Туда же, куда и этот пацан, – сказал Натан, заводя машину.

Четырнадцать

«Маленький английский городок Лаффертон сегодня был шокирован новостью об исчезновении девятилетнего школьника Дэвида Ангуса... Это новый удар для жителей, которые еще не успели оправиться от серии прошлогодних убийств. Дэвида Ангуса, сына консультирующего нейрохирурга и адвоката, последний раз видели...»

– Черт побери, детям теперь небезопасно сидеть рядом со своими собственными долбаными калитками...

– Уже слышал об этом в новостях. Его так и не нашли?

Мишель Тейт с помощью ножниц открыла упаковку замороженной пиццы и включила духовку.

– Найдется где-нибудь в канаве, как та девчушка из Кента.

– Он мог уйти и сам. Пойти к приятелю.

– Не будь идиотом.

– Я так постоянно делал.

– Ну, да. Эти дети не такие. Хорошая семья, частная школа, шикарный дом... Они так не делают, понимаешь?

– Почему из-за того, что у него все это есть, он перестает быть девятилетним пацаном?

– Включи мозг. Будешь пиццу?

Предложение прозвучало недоброжелательно.

– Нет, я перехвачу что-нибудь в «Окс» потом.

– Угу, и выпей тоже там обязательно, ладно?

– Сколько, две бутылки?

– Ты сходил в центр по трудоустройству еще раз?

– Да. И я ищу в газетах.

– Куча работы... Смотри, тут целые страницы с вакансиями...

– Ага.

– Ты не в том положении, чтобы быть слишком разборчивым, ты в курсе?

– Я прошел обучение. Я не буду выставлять товар на полки в супермаркете.

– Обучение. Ясно.

– Да, обучение, и это больше, чем многие здесь могут похвастать.

– О-о-о-о. То-то из-за твоих умений мы с Питом «здесь» и околачиваемся, да?

– Ты хочешь, чтобы я ушел? Хорошо. Я уйду.

– Куда?

– К одному знакомому.

– Когда рак на горе свистнет.

– Ты помнишь Ли Картера?

Мишель села за стол напротив него и зажгла сигарету.

– Ты серьезно?

– Встретился с ним на улице. Ездит на «БМВ» с откидным верхом.

– Не сомневаюсь. Ты сел на четыре с половиной года из-за таких, как Ли Картер. У тебя совсем мозгов нет?

– Он все делает честно. Заработал состояние.

– Ну конечно.

– Я могу работать на него, не напрягаясь.

– Выращивать капусту?

– У него бизнес... Что-то типа закрытого клуба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.